Роберт Бюттнер
Сироты
Удел сироты

Сироты

Роберт Бюттнер

Удел сироты

2005

Бюттнер Р.

Удел сироты / Р. Бюттнер — 2005 — (Сироты)

Первый контакт Земли с пришельцами воплотил в жизнь худшие кошмары. С луны Юпитера, Ганимеда, на Землю летят снаряды, уничтожая целые города.Роль спасителей человечества выпадает бездомным сиротам – ведь о них никто не будет тосковать. Они должны сделать невозможное – совершить межпланетный рейс и уничтожить спутник Юпитера.У них есть только один шанс. От них зависит будущее всего человечества.

© Бюттнер Р., 2005

Содержание

Глава первая. 5
Глава вторая. 7
Глава третья. 11
Глава четвертая. 16
Глава пятая. 21
Глава шестая. 27
Глава седьмая. 29
Глава восьмая. 31
Глава девятая. 37
Глава десятая. 40
Глава одиннадцатая. 45
Глава двенадцатая. 47
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Роберт Бюттнер
Удел сироты

По приказу офицера Роберта Крейлик Бюттнера и хозяйки USO[1] Аннет Катерины Бюттнер, чьи вклады в эту книгу не могут быть преувеличены.

Пуля снайпера Конфедерации сегодня убила нашего барабанщика, пока он завтракал этим прекрасным июльским утром… Парень присоединился к нам, когда погибли его родители, и ему еще не исполнилось четырнадцати. Они сказали ему, что удел солдата умереть молодым и в соответствии с чаяниями народа. Или жить и всегда искать у Бога ответ, почему он спасся. Что до меня, то пока я жив, я буду отвечать, что жестокий Бог сделал смерть уделом сирот.
Истинное заявление во время великой битвы за Геттисберг[2] сделанное солдатом Шестьдесят первого огайского пехотного полка.

Глава первая.

– Кто-нибудь там есть? Отзовитесь, – статический, не человеческий голос прокудахтал в наушниках.

С-с-с-с-с. Бум!

Баррикада из обломков стенных плит, которую я соорудил на скорую руку, замерцала красным. *Слизни* прожигали дыры в собственном корабле, лишь бы добраться до меня. Острый запах горящего металла ударил мне в ноздри. Еще минуты две, самое большее, и *слизни* хлынут сюда, паля во все стороны из своих кривых винтовок.

Взяв пистолет за дуло, я приготовился использовать его как дубинку. Решительный жест. Пустой магазин делал пистолет ненужной игрушкой…

Я вздохнул, и мое дыхание, струйкой пара вырвавшись из под шлема, замерцало пурпуром в свете интерьера *слизней*. Прежде чем я снова выдохнул, вентилятор моего шлема рассеял пар, словно развеял украденную душу.

У меня ноги расползались на этой скользкой металлической синей палубе *слизней*. Кулаком в перчатке я ударил по моему занемевшему левому бедру, укрытому слоем брони. Пехотинцу нужны обе ноги. Иначе он начнет хромать… Только вот куда мне идти?

Я вжался спиной в желтый матрас *политановой* пробки – такими пробками заделывали бреши в скафандрах и дыры в обшивке. Вот так мы использовали эту штуку. Словно пираты, залепившие дыру в броне. Я не мог выбить ее и вылезти наружу. Там был вакуум – пустота. А болтались мы где-то между Землей и Луной.

На дисплее моего шлема мерцали зеленые цифры:

2043 год.

Таймер, уже отсчитал четыре минуты и продолжал отсчет.

Когда счет дойдет до нуля все будет решено: человеческая раса будет или обречена, или спасена. Но я-то умру в любом случае. Я – Джейсон Уондер. А сейчас самое время рассказать

историю самого молодого и крутого генерал-майора. К тому же двадцати четырех летнего лейтенанта. И уж точно, навеки, пехотинца.

К тому же я – единственный заслон Брамби[3]. Он где-то в полутора киллометрах подо мной в животе зверя. Если ему не мешать он разнесет в куски этот транспорт пришельцев. Только тогда мы оба погибнем. Если бы мог купить ему несколько лишних секунд, пусть даже ценой своей жизни!

А если мы проиграем, миллионы *слизней* склизкими волнами заполонят Землю. Конечно, род людской будет бороться, цепляясь за каждый камень. Начнется битва по сравнению с которой Сталинград – детская забава. *Слизни* не потерпят людей, особенно если те станут защищать свою землю.

Овал – контур двери, которую прорезали *слизни* замерцал белым. Мы и не знали, что эти твари на такое способны. Мы вообще знали о них намного меньше, чем они о нас. Однако скоро, похоже, мы будем знать слишком много.

Осталась одна минута до того, как они прорвутся, и более трех минут до взрыва, если он конечно будет.

Мои плечи поникли.

Все кончено… И все таки я прожил отличные двадцать четыре года. Я помнил родителей, хотя прожил с ними не так долго, как мне хотелось бы. Я вырос и возмужал. Я встретил хороших людей. Лучшее из всего – это уж точно – история моей единственной настоящей любви. Но счастье продлилось всего 616 дней. У меня был крестник, которого я любил как собственного сына. Да и в соответствии с нынешней версией истории: я – человек, который спас мир.

Часы на наладоннике запикали. Три минуты.

Говорят, ожидание смерти делится на разные фазы: самоотречение, ярость и всякая подобная чепуха, а потом, в конце, согласие.

Может, мне повезло, по сравнению с другими сиротами, которых я знал. Удел солдата умереть в соответствии с чаяниями народа. Солдаты часто умирают храбро. Солдаты часто умирают из-за чужого высокомерия или глупости. Но редко солдату судьба дарит время, чтобы подготовиться к смерти…

Сначала расплавленный металл потек, потом зашипел, коснувшись палубных плит. *Слизни* рвались ко мне. Я покрепче сжал разряженный «кольт».

В некой альтернативной реальности может и есть правда в солдатской хитрости о том, что кровопролитие на войне рождает жизнь. Я покачал головой. Это, словно в слово, говорила женщина, родившая моего крестного в пещере на самой большой из лун Юпитера.

Там, три года назад все и началось.

[3] необъезженная лошадь (австралийское разговорное).

Глава вторая.

– Ты можешь истечь кровью до смерти! – я повернул голову от акушерских инструкций, голограммой мерцавших слева от широко раздвинутых женских бедер. Я стоял на коленях как раз между ними. Свет полевой лампы на «вечной» батарее играл мятыми тенями на каменных стенах и потолке пещеры Ганимеда. Искусственная атмосфера на спутнике Юпитера была создана *слизнями*, которых мы вышибли с этой планеты семь месяцев назад. От ноля по стоградусной шкале Цельсия немели скользкие от слизи и крови пальцы. Пещера на Ганимеде мало подходит на роль родильной палаты.

– Нет, Джейсон, кровопролитие рождает жизнь. Ты уже видишь голову? – капрал Шария Муншара-Мецгер пыхтела, словно настоящий локомотив.

– Конечно. Думаю это темечко, Пигалица, – я всегда называл ее так. Четыре года назад чтобы избежать тюрьмы я записался в пехоту. Судьба и шрапнель сделали из меня генерала. И теперь я командовал семью сотнями солдат, выживших в ***Битве за Ганнемед***. А роды?.. Акушерство я знал точно так же как Эсперанто.

Я вновь посмотрел на голографические надписи. Наверное, не стоило изучать гинекологию, разглядывая детородные органы вдовы моего лучшего друга.

Крепко сжав зубы, Пигалица плевалась арабскими проклятиями. Судя по всему, она сравнивала меня, своего командира, генерала, с какими-то выделениями верблюда. Восьмичасовые муки уничтожили военную учтивость.

Пигалица прижимала ладони к вискам и качала головой из стороны в сторону. Пот каплями проступал сквозь бинты у нее на лбу. И, похоже, ей было все равно, ноль тут градусов или нет. Однако черты ее оливкового лица, в то время как она пыхтела и билась, оставались безупречными. Наконец она сфокусировала на мне взгляд своих больших карих глаз.

– Почему мы сделали это, Джейсон?

Кто это мы? Что сделали? Женский язык роняет слова, словно осина – листья. Но горе постигнет мужчину, которому выпадет прочитать их мысли.

– Потому что *слизни* высадились тут, чтобы бомбить Землю, пока все мы не сдохнем, – предположил я.

– Я имела в виду, почему Мецгер и я решили завести этого ребенка.

У меня глаза округлились. Именно этот вопрос я задавал себе сотни раз, пока Пигалица ходила беременной. Космический корабль Объединенных наций «Надежда» шестьсот дней нес с Земли на орбиту Юпитера десять тысяч мужчин и женщин легкой пехоты и пять сотен членов команды Космических сил. Перед этим политики просеяли шесть миллионов волонтеров, отобрав нас – счастливых сирот, чьи семьи уничтожили *слизни*. Настоящий «крестовый поход» сирот.

Даже для сирот, нежелательная беременность была реликтом последнего столетия. Однако только *мой* лучший друг, командир космического корабля в полтора километра длиной, на который род человеческий поставил свое будущее, и *мой* стрелок, познакомившись, умудрились нарушить все вообразимые правила. И, как по волшебству, посреди межпланетной битвы должен был родился маленький мальчуган.

Проблемы валились на меня одна за другой, словно канюки, обнаружившие падаль. ***Битва за Ганемед*** не была исключением.

У Пигалицы начались схватки.

– Я тужусь.

Мой взгляд метался между голографическим кубом и ее промежностью. Таз египетской феи – Пигалицы – должен был разойтись еще на сантиметр, чтобы прошел ребенок, размером с большой арбуз.

– Еще рано, – покачал я головой.

Взгляд Пигалицы прошил меня и почувствовал, что счастлив, как никогда не был, глядя через прицел М-60. Пигалица никак не могла разродиться. По причинам, которые я так никогда и не понимал, всегда случается самое худшее, например, большинство моих подчиненных считают, что у меня на все есть ответ.

Я подозреваю, все дело в том, что я получил повышение по чину на поле боя. Как обычный рядовой, я даже не отвечал за автоматические оружие. Я лишь заряжал его для Пигалицы. А теперь я командовал целой дивизией. Однако политики не называют это несчастьем. Они объявили ***Битву за Ганимед*** чудесной победой. ***Битва за Ганимед*** никогда не была чудесной для нас – семисот выживших, которые похоронили десять тысяч товарищей под холодными камнями луны Юпиттера. Но альтернативой была гибель человеческой расы…

До того как пять месяцев назад мы потеряли земную передающую станцию, мы регулярно слышали о том, как законодательная власть различных наций награждала нам медалями и сулила поощрения, обещали послать нам помощь.

Итак, как боевой командир, я придумывал «лекарство от скуки» для остатков моей дивизии, пока кавалерия прискачет за нами, преодолев шесть миллионов километров.

– Сэр? Майор Гиббл по *Командной сети*, – тень мелькнула передо мной, в то время как в пещеру вошел старший сержант.

– Подмени меня, Брамби, – я протиснулся между Брамби и Пигалицей. Измотавшаяся за восемь часов трудов праведных, Пигалица наверное, страдала бы меньше, если бы ей пришлось рожать на сцене, постоянно позируя для «Нью Йорк Таймс».

– Они там что-то обнаружили, сэр.

– Что? – повернулся я.

Живых *слизней* на планете остаться не могло. Чтобы в этом убедиться я послал с Говардом Гибблом половину оставшихся солдат. Они искали любую путеводную нить к тому, чтобы раскрыть тайны наших врагов. В том числе я послал с ними на поиски и единственного выжившего медика. Согласно его уверениям Пигалица должны была умереть еще две недели назад.

Мы знали, что *слизни* – единый организм, который зародился где-то вне Солнечной системы и перебрался четыре года назад на Ганимед, используя его, как базу для уничтожения человеческий расы. Слизни действовали методично, город за городом стирая человечество с лица Земли. Мы допускали, что *слизни* – галактические кочевники, путешествующие из одной звездной системы в другую. Они высасывали каждую систему до суха и отправлялись дальше.

Слизни никогда не строили крепостей на планетах, но и не отказывались от того, что те могли им дать. И еще: они убивали людей.

Каждый *слизень* сражался как порождение ада, пока его не убивали или не загоняли в угол. Тогда он падал замертво, чтобы избежать плена. Мы вели себя хитрее, нас было больше, мы были смертоноснее.

Но выиграли мы только потому, что Мецгер отослал свою команду на спасательных шлюпках, а потом направил «Надежду» на базу *слизней*. Взрыв получился таким сильным, что астросейсмолог Говарда говорил, что Ганимед до сих пор содрогается в конвульсиях, хотя прошло уже семь месяцев.

Согласившись с Говардом я послал отряды на поверхность Ганимеда в поисках живых *слизней*. Однако Мецгер убил их всех, врезался в инкубатор клонов и уничтожил основной мозг захватчиков. Так настойчиво утверждал – Говард, называя *слизней* «оно». Он считал их единым организмом, который мог физически разделяться на части действовал по принципу: пришел, ушел, уничтожил.

Говард считал, что «железо» *слизней* могло выдержать удар. Их корабль летал между звездными системами, перевозя огромные хорошо дисциплинированные армии. Единственной целью *слизней* было победить нас.

Кроме не подходящей склонности к демобилизации, человеческие индивидуумы порой жертвуют собой ради друг друга. Поэтому Мецгеру и удалось превратить поражение в победу, хотя и ценой собственной жизни…

Брамби махнул мне трубкой. Брови цвета незрелой клубники поползли вверх. Брамби выглядел словно веснущатый неоклон марионетки-ковбоя, которую я видел, просматривая чип по истории из доголографических времен, когда еще существовало телевидение. По-моему его звали Счастливчик Люк[4] или что-то в таком духе.

– Время передачи заканчивается через две минуты, сэр.

Я посмотрел на Пигалицу. Она лежала спокойно. Схватки на какое-то время прервались. Она кивнула мне. Ее муж отдал жизнь для того, чтобы выиграть эту войну. Пигалица понимала, что сохранить этот мир – моя работа.

Брамби только исполнилось двадцать четыре, но после битвы его трясло, словно дряхлую старушку. Его пальцы постоянно дрожали, а веки дергались от тика. Забрав трубку, я прижал ее к уху.

– *Джульетта* слушает.

Напряженная тишина отделяла вопрос от ответа, так как сигнал передавался через ТТН[5], зависший в поле прямой видимости, как раз между передающей и принимающей точками.

– Джейсон, мы обнаружили артефакт.

У меня брови поползли на лоб. Не поврежденная машина *слизней* могла дать нам ключ к их технологиям. До настоящего времени мы не обнаружили ничего, кроме металлических обломков, и останков самих *слизней*, персонального оружия и их брони.

– И на что это похоже?

– Металлический, чуть сплющенный сфероид. Пятидесяти сантиметров в диаметре.

– Жестяной футбольный мяч? – я был слишком большим педантом, для того чтобы ворчать.

– Весит килограмм двадцать, по земным меркам.

– Где вы его нашли?

– Он лежал в углублении в земле, не далеко от нас.

Я сжал трубку покрепче.

– Говард, это, скорее всего, не детонировавший снаряд! Уводи оттуда людей!

– Мы никогда не видели, чтобы *псевдоголовоногие* использовали взрывающиеся заряды. Кинетическая энергия пуль и ракет – вот их оружие. В их снарядах инженеры никогда не находили следов взрывчатых веществ.

– Человек никогда не узнает о бомбе *слизней*, пока та не рванет у него под носом!

– Мы уже упаковали артефакт. Я подозреваю, что это прибор дистанционного зондирования.

Армия мирилась с Говардом, потому что обычно его «подозрения» оказывались правильными.

Я вздохнул, потом покачал головой.

– Говард, давай сюда, и шевели задницей!

Наша миссия никогда не добиралась до Ганимеда Айзека Азимова и Артура Кларка. Он был разрушен, когда *псевдоголовоногие* попытались перенести поле битвы с Ганимеда на Землю. Мы им помешали. Теперь моей главной задачей, как командующего офицера, стало в безопасности отвести отряды обратно на Землю. Если *слизни* оставили сенсор дальнего радиуса действия, они могли оставить и бомбы с включенным таймером. И не важно, что там внутри – сибирская язва или сборник плохих стихов. Если даже существовал один шанс на миллион,

---

[4] мультипликационный ковбой, герой многочисленных комиксов и мультфильмов.

[5] транспорт тактического наблюдения.

что *слизни* оставили угрозу, я не хотел, чтобы моя армия понесла новые потери. Археологическая экспедиция Говарда была глупой идеей.

– И оставьте эту проклятую бомбу там, где она есть!

Зашипели статические разряды.

– Мы потеряли с ними связь, – объяснил Брамби. – ТОТ скрылся за горизонтом.

Брамби забрал трубку и поторопился назад к пульту ВК[6], такому же вытянутому, как марионетка без ниточек, на которую он походил. Брамби оставил Землю учеником высшей школы. Он прославился тем, что сделал дымовуху и установил ее в кафетерии высшей школы. Это превратило его в военного инженера.

Он вернется на Землю, если мы все вернемся, сержантом[7] – инвалидом войны.

– Сейчас? – пробормотала Пигалица сквозь крепко сжатые зубы.

Голографическая инструкция гласила, что ни в коем случае нельзя заставлять ее тужится слишком рано, до того как настанет время разродиться. Я не дочитал инструкцию. Боялся, что когда дочитаю до конца, будет слишком поздно. Может даже мне придется резать Пигалицу… От такой мысли я вздрогнул.

Шария Муншара-Мецгер была самым близким мне человеком. Я видел, что она истекает кровью, и оставил пехотную дивизию, на время превратившись в акушерку. Вот и все, черт побери!

– Тужся, Пигалица.

Еще десять минут криков – причем кричали мы оба. А потом я качал на руках своего крестного, такого же здорового, как любой визжащий, пурпурный младенец с нитью, тянущейся из пупка. Я стер слизь с его рта и ноздрей, потом положил его на живот Пигалицы.

Завязав узлом, я перерезал пуповину и спросил:

– Ты придумала ему имя?

Я знал, что она подобрала имя, потому что всякий раз, когда я спрашивал ее последние семь месяцев, она отворачивалась. Пигалица была суеверной мусульманкой, такой же упрямой как Нил. Она боялась, что повредит ребенку, если она раньше времени произнесет его имя.

– Джейсон, – улыбка Пигалицы сверкнула в подземном полумраке.

– Что? – я с трудом проглотил комок, вставший у меня поперек горла. Хотя я подозревал, что услышу что-то вроде того. И Пигалица, и Мецгер, и я были сиротами, попавшими на войну. Ганимед стал нашим сиротским приютом, мы стали одной семьей.

– Джейсон Удей Мецгер. Моего отца звали Удей.

Я поправил хирургическую маску, и вытер пот с глаз.

– Люди будут звать его Уди.

Люди будут звать его не только так. Он – сын спасителя человеческой расы. Отродье того, кто уничтожил другой биологический вид, обитающий во вселенной. Единственный землянин, зачатый и рожденный в космосе. Урод.

– Джейсон, это лучший день в моей жизни, – слезы потекли по щекам Пигалицы. Она плакала так сильно, что Уди Мецгер сильно ударил по животу матери, словно заправский футболист.

Я все понял. Однако я решил, что для меня самый лучший день в жизни наступит, когда мы покинем Ганимед.

Я был не прав.

---

[6] высшее качество (связь высшего качества)

[7] воинское звание в Морской пехоте между первым сержантом и сержант-майором Морской пехоты.

Глава третья.

Утром 224 дня нашего пребывания на Ганимеде, по земному летоисчислению, Уди Мецгеру исполнилась неделя. И прожил он ее под небом, где властвовал Юпитер.

223 дня небеса Ганимеда не менялись. Ежедневно шторма порожденные возмущениями орбиты поднимали над горами вихри золотистой пыли. За этими пиками и облаками пыли сверкали звезды, и можно было разглядеть видимые невооруженным взглядом луны Юпитера: Европа, Ио и Каллисто. Иногда они казались розовыми, а в некоторые дни – жемчужными или фиолетовыми на фоне космоса цвета индиго. Над всем этим смутно вырисовывался вечно-оранжевый Юпитер. При каждом восходе и закате, увеличенный линзой искусственной атмосферы, газовый гигант заполнял собой весь горизонт.

Все мы постоянно, каждый день, смотрели на небо. Но не потому, что оно такое красивое, а потому, что там остался наш дом.

Но утром 224 дня, в пять ноль три по стандартному времени Ганимеда, Брамби ворвался в пещеру служившую столовой. В одной руке он сжимал бинокулярный полевой видоискатель, а другой – показывал куда-то за спину.

Брамби не мог говорить. Только одна вещь могла так возбудить любого из нас – межпланетных странников.

Еда из яиц (концентрированного яичного порошка) в тюбиках и термические чашки заклацали на полу замороженной лавы. До того как перестало звенеть эхо, отражаясь от стен и потолка пещеры, три сотни пар ног уже загрохотали снаружи. Там царили бледные сумерки.

Пропустив всех вперед, я вышел на посадочную полосу, которую Брамби и выжившие инженеры вырезали в горном склоне. Архитектура на Ганимеде не отличалась разнообразием, так как у нас было всего три материала из которого можно строить: камень, камень и камень.

В тот миг, когда я очутился снаружи, какой-то солдат, стоявший в стороне, чтобы его не затоптали, показывал куда-то на небо. Я просто проследил взглядом за его указующим перстом.

Сверкающая муха ползла по пурпурному куполу нашего мира, но для меня это было самое прекрасное зрелище. Спасательный корабль… может быть.

Брамби повернулся ко мне:

– Сэр, как вы считаете, когда первые из нас снимутся с этой скалы?

– Сначала мы должны увериться, что это наши. Пусть поднимут тревогу.

Брамби замер.

– Сэр? Тревогу?

Брамби и три сотни замерших, истощенных солдат застыли одновременно, хотя не все еще выбрались из своих «нор».

Может это всего лишь совпадение, что «Генерал» и «Говнюк» начинается с «Г». Тревога означала, что войска должны занять свои позиции. «Занять позиции» означало идти, ползти и карабкаться по скалам. Но все эти вещи, солдаты ненавидели со времен Трои.

Хорошо, что исторически существовало две военных школы. Одна требовала или концентрации сил, словно римляне, строящиеся в фаланги, плечом к плечу, щит к щиту, или рассеивания – разбиться на отряды так, чтобы нельзя было уничтожить всю армию одной гранатой. Короче, генерал ответственный за военно-воздушные силы в Перл Харборе сто лет назад, собрал все самолеты воедино, так чтобы их легче было охранять. И создал великолепную цель для японских бомб.

Поэтому мои солдаты должны были в первую очередь рассредоточиться. Даже если моим подчиненным это не нравилось. Вскоре мы бежали по скалам, а я срывал с плеч звезды, вновь превращаясь в одного из солдат. Генерал – лакомая цель для *слизней*.

– Брамби, все мы знаем, что эта искорка означает, что *кто-то* приближается. Может это спасители. Может – *слизни*. Передай это другим офицерам батальонов.

Экспедиционные силы Ганимеда – выжившие «батальоны» не более чем небольшие группы людей, в каждом не более пятидесяти человек. И минуты хватит, чтобы все оповестить.

Брамби едва заметно кивнул, то ли отрицая саму возможность того, что это могут быть *слизни*, то ли в сомнении стоит ли выполнять мой приказ.

– Брамби, если это наши парни, они выйдут на связь на полевых частотах через пару часов, – генералы, даже те, что получили повышение на поле боя, не должны оправдываться, отдавая приказы своим подчиненным. Или это способ сказать ему, что я тоже хочу, чтобы искорка оказалась нашими парными. – Тогда наши люди смогут открыть бутылки картофельной водки.

У Брамби аж челюсть отвалилась. Неужели он считал, что я не знаю о перегонном кубе? Один из техников лаборатории Говарда протащил на борт «Надежды» оборудование для производства самогона. Сырая картошка и в самом деле стала на «Надежде» сырым материалом для ухода от реальности. Раньше я и представить себе такого не мог. Я должен был ликвидировать эту грязь, распространяющуюся среди выживших.

Брамби ухмыльнулся, а потом отдал салют.

– Есть, сэр.

Пока Брамби разносил приказы, я приложил руку к уху и передал Говарду:

– Отель, это – *Джульетта*. Скажи, когда предположительно ты прибудешь на место и займешь позицию.

– Джейсон, это Говард. Мы займем позицию через час… Ты Сам-то видел это?

Говард ориентировался словно слепой бойскаут-волченок[8]. Видимо, он догадался о том, что мы заметили в небе движущийся объект.

– Думаешь, это – наши парни, – спросил я. – Что если это *слизни*?

– *Псевдоголовоногие* двигаются между условными, топологическими узлами пространства, которые позволяют проходить через меридиан временно сфабрикованных складок пространства…

– На английском, Говард, пожалуйста.

– *Слизни* прыгают через дыры пространства, которые соединяют отдаленные места, оставляя далеко позади складки пространства.

– А еще проще?

– Ну, как объяснить? Звезды с планетными системами слишком далеко, чтобы совершить межзвездное путешествие с субсветовой скоростью. Даже если *они* живут очень долго.

– Хорошо. Дальше.

– Значит, *они* явились к нам путем, о котором мы не подозреваем… И вряд ли *они* станут повторять тактику, которая привела к поражению их предшественников.

– Почему нет? Человеческие армии повторяют ошибки все время. Точно так же как другие разумные…

– Мы имеем дело с нечеловеческим разумом.

Я кивнул, по-прежнему прижимая трубку к уху. Говард мог быть профессором, но солдат не выживет, если станет недооценивать своих противников.

– Джейсон, это – посадочный модуль с «*Экскалибура*».

– «*Эскалибура*»?

– Корабль той же серии, что и «*Надежда*». Его только начинали строить, когда мы покинули наш дом тридцать один месяц назад. Я думал, ты знаешь.

---

[8] младшая дружина бойскаутов; от 8 до 10 лет.

Говард никогда не заботился о соблюдении субординации. Он мог быть профессором в сердце, но как офицер разведки напоминал Шпиона[9] со всей его чепухой. Рационализм Шпиона говорил, что если никто из нас не знал, что был второй корабль для нападения, мы не смогли бы проболтаться, если бы *слизни* решили взять нас в плен.

– Полет с Земли занимал почти два года при использовании технологии химического топлива. Значит «*Эскалибур*» должен был отправиться сюда через семь месяцев после нашего старта, когда мы еще были в пути?

Я задержал дыхание, потом выпустил воздух. Сдулся, одним словом. Никакой ругани. Особенно когда есть хорошие новости.

– Ладно, Говард, уговорил. Корабль наш.

– Это очевидно любому школьнику. Но один из моих офицеров утверждает, что объявлена тревога. Разве не глупо?

– Я отдал приказ…

* * *

Через два дня я и Говард Гиббл стояли на обочине рукотворной посадочной полосы в три километра длиной. Еще один проект Брамби, проводившийся под лозунгом: «Лучшая жить, постоянно работая, чем прозябать в неге». Он срезал и передвигал целые горы с помощью алмазных резцов и пластида, выглядевшего воздушным, как дрожжевое тесто.

Мы наблюдали как посадочный модуль с «*Эскалибура*» – первый спасательный корабль прорезал в небе красную полосу, спускаясь с орбиты. Сейчас он уже находился достаточно близко, размером стал больше искры. Его броня постепенно охлаждалась. Ведь она нагрелась до пятисот градусов во время спуска со скоростью десять тысяч шестьсот километров в час. За модулем, когда он врезался в искусственную атмосферу, словно за сверхзвуковым самолетом, потянулся инверсионный след.

Спасательный модуль коснулся поверхности Ганимеда на скорости четыреста пятьдесят киллометров в час, загрохотал, по дороге у нас за спиной. Инстинктивно пригнувшись, мы повернулись, наблюдая это неуклюжее приземление. А вокруг нас завывал ветер, поднявшийся во время посадки.

Корабль выглядел, словно старомодные стальные одежды, раздавленные, со срезанными рукавами, – серо-коричневый клин в четыре с половиной метра длиной и столько же шириной, с прорастающими угловыми плавниками в задней части.

Мои челюсти широко открылись, а желудок скрутило.

– Говард, эта груда металла всего лишь посадочный модуль!

Мы атаковали Ганимед с орбиты в посадочных модулях наподобие того, что приземлился, размолотив нашу дорогу в облако лунной пыли. Но наши посадочные модули могли планировать. А этот бочонок даже не сумел сбросить скорость. Черт, наши посадочные модули не могли даже совершить безопасную посадку. Каждая посадка напоминала маленькую катастрофу.

Говард всплеснул руками.

– Оригинальный замысел – космический модуль многократного использования. Он должен был подниматься и спускаться с низкой земной орбиты. Этот проект держали на полке до 2001 года. Такой модуль – военный транспорт, несущий на борту запасы топлива и запчастей…

---

[9] главный герой знаменитого телесериала «Человек от Д.Я.Д.Ю.Ш.К.И.».

Но их производство было законсервировано. Хотя такой модуль мог нести и десантный отряд. А потом, по идеи, он должен был отнести их назад к материнскому кораблю.

Спасательный корабль достиг конца взлетно-посадочной полосы, развернулся и, словно такси, покатил в нашу сторону. Его дюзы дышали огнем.

Воина со *слизнями* вынудили род человеческий поднять в воздух все пилотируемые аппараты, которые остались еще с тех времен, когда машины ездили на бензине, с конца 1990-х. Семидесятилетний мир во всем мире дал человеческому достаточно средств, чтобы оплатить решение большей части социальных проблем. Великое достижение. Ныне простые обыватели без всякого уважения смотрели на пехотинцев вроде меня, которые ехали сражаться с самым разрушительным врагом при помощи антиквариата прошлого столетия.

Корабль подрулил к нам и затормозил, опустив нос, словно прикрывая свои дюзы, испуская жар всем корпусом. Средняя полуденная температура на Ганимеде не поднималась выше нуля, так что мы хорошо чувствовали тепло исходившее от корабля. Буквы КСООН[10] украшали некогда голубой фюзеляж корабля. Знаки на обожженных дочерна стабилизаторов выглядели словно черно-белые белки с «S»-образными хвостами. Чуть ниже я заметил надпись: «Гордость мастерских Скунса».

Я посмотрел на эмблему и кивнул Говарду.

Тот сложил руки рупором, поднес ко рту и прокричал:

– Это – «*Отважная Звезда*» Локхида-Мартина.

Двигатели смолкли.

– Во второй половине двадцатого века, у нас был тайный авиазавод в пустыне штата Небраска, – продолжал Говард нормальным голосом. – Он так и назывался – «Мастерские Скунса».

У меня брови на лоб поползли от удивления.

– Никсон что, прятал оборонные заводы от хиппи?

– Нет, – улыбнулся Говард. – От русских, во время Холодной войны. А хиппи появились только после Вьетнама. «*Отважная Звезда*» умерла на чертежных досках в начале 2000. А антимилитаристы прикрыли «Мастерские Скунса».

Я кивнул. Последние семь месяцев я все свободное время проводил комплектуя корреспонденцию, которую потом предполагалось передать бакалаврам и ученым, занимающимся военной историей. Если задуматься, то американцы превратили войну в хороший источник доходов. Хотя они старались ни в какие воины не встревать. И насколько могли, они всегда пытались избегать воин. Вот Америка и металась из стороны в сторону в течении ста пятидесяти лет, то и дело перестраивая свою внутреннюю политику.

Спасательный корабль содрогнулся и замер. Его фюзеляж на три метра возвышался над поверхностью Ганимеда. Потом жалобно взвыла гидравлика, и машина опустилась на брюхо.

Только тогда я убедился, что этот корабль и в самом деле принес нам билет в обе стороны. Наши посадочные модули были одноразовыми кораблями нападения. Модули высаживали нас, словно выбрасывая горошины из стручка, а потом разваливались на куски, которые нипочем не собрать… К нашим ногам спустился трап, на котором разве что красного ковра не было. Это означало, что модуль может вернуться к материнскому кораблю и унести нас домой.

Не знаю, кого я ожидал увидеть спускающегося по трапу, но только не сержанта Сухопутных войск де Артура Орда.

Боевой скафандр Орда сверкал безупречно алым. Сержант широким шагом спустился по трапу, двигаясь резко, словно вовсе не человек, а машина. Шлем он держал под мышкой одной рукой, пальцы другой покоились на рукояти висевшего за поясом лазера-дезинтегратора самого зловещего вида.

---

[10] Космические силы Организации Объединенные наций

Волосы, чуть короче, чем у Дядюшки Сэма, были седыми – серыми, словно орудийная сталь. Такие же, как его глаза. Казалось, он ничуть не изменился с нашей последней встречи – мой сержант по строевой подготовке на учебной базе пехоты.

Орд встал передо мной и отдал честь, так решительно, что было видно, как дрожит его рука.

– Сэр, адмирал Брэйс, шлет вам свои комплименты…

Я тоже козырнул. Даже глаза Орда сверкали по-военному. Должно быть он полировал зрачки. Один взгляд на него, у меня сердце ушло в пятки. А ведь Орд на самом деле мной гордился. Ведь не каждый день сержант выуживает дерзкого засранца, поступившего на военную службу чтобы избежать армии, а потом этот засранец командует экспедиционным корпусом, который выигрывает самую безнадежную битву в истории человечества.

Голографист сигнального корпуса, спустившийся за Ордом вниз по трапу, с помощью кодера-наладонника запечатлел для истории сцену нашей встречи.

Мое сердце затрепетало, когда я увидел, как Орд широким шагом спускается по трапу. Но подумав, я лишь покачал головой. Орд выглядел достаточно представительно, чтобы первым спуститься по трапу. Такие офицеры есть в каждой армии. Не зря говорят: сержант сидит по левую руку от Бога.

А потом Орд будет докладывать командиру корпуса – второй звезде в армии. «Командир экспедиционного корпуса» звучало громче, что капитан «*Экскалибура*», адмирал военно-морских сил. Хотя сейчас именно он был хозяином положения. Но каждый из нас должен был нести ответственность, если карьера офицера превращала его в «политическое животное»[11]. А ведь некоторые офицеры достигали флагманского ранга, которого не заслужили. Посему этот адмирал и послал своих орлов на Ганимед с голокамерой. Судя по всему Брэйс избегал съемок на голо, которые несут очевидный риск. Почему?

– …точно так же как секретарь-генерал Организации Объединенных наций и президент Соединенных Штатов Америки, – продолжал Орд.

Я улыбнулся.

– Я так и думал. Она – славная женщина.

Экспедиционные силы на Ганимеде заплатили ужасную цену, но Президент – наш главный командир – чувствовал ту же признательность к моим солдатам, что и Америка, и весь мир.

– Он, сэр.

– Как? – вопрос не соответствующий генеральскому званию, но замечание Орда сильно смутило меня.

– Президент подала в отставку, прежде чем истек ее срок. Это президент Льюис посылает вам свои приветствия.

– Отставку? – ни один Президент за последнее столетие не подавал в отставку. Наладонник техника, уставившись на нас, сверкал линзами. Корпус «*Отважной Звезды*» потрескивал.

– Многое изменилось, пока вы тут находились, сэр.

Не поверите, но у меня под шлемом волосы встали дыбом.

---

[11] Аристотель утверждал, что человек – «политическое животное и поэтому несет в себе инстинктивное стремление к совместному жительству», а посему развитие общества идет от семьи к общине, а от нее к государству-полису. Государство, выступает высшей формой общественных связей.

Глава четвертая.

Через два дня я и Говард бок о бок стояли на равнине, наблюдая за полетом «*ОтважнойЗвезды*». Но в этот раз она летела на орбиту… Сначала она на гидравлических стойках, под углом высунувшихся из ее брюха, поднялась вертикально. Потом скала у нас под ногами завибрировала, затряслась – это включились ракетные двигатели.

– Четырнадцатый полет, Джейсон, – прокричал Говард мне в ухо.

Опаснее всего первая сотня километров, которая отделяет поверхность планеты от низкой орбиты. Гравитация Ганимеда скорее напоминает гравитацию Луны, чем Земли, и, тем не менее, «*Звезду*» приходилось накачивать топливом до отказа. Это означало, что на каждом взлетающем корабле могло поместиться всего пятьдесят солдат. Когда семь месяцев назад они соскользнули вниз с орбиты, то летели, планируя, без двигателей и топливных баков. Тогда посадочный модуль такого же примерно размера нес четыре сотни солдат.

Пигалица и Уди отправились на орбиту первым же рейсом, вместе с теми, кто нуждался в медицинском уходе. Как командир я ожидал последнего рейса– пятнадцатого полета, чтобы сняться с этой скалы. Говард, Брамби и полдюжины личного состава, сидели, сгорбившись, после того как перебрали вчера картофельной водки. Они ждали меня.

Я был моложе большинства из них, и много выше их по званию. Но я поднимал одну чашку с ними, а потом, как настоящий командир, извинялся и уходил. Они-то могли сидеть и квасить аж до 2099 года, а я к тому времени уже давно спал. Командир, воздержанный в возлияниях. Без преувеличений.

Сегодня за исключением Говарда все солдаты расположились кружком, скрестив ноги, положив под задницы вещевые мешки, и играли в карты. Брамби сидел на неопластиковом контейнере, в котором лежал запакованный драгоценный для Говарда «футбольный мяч» *слизней*.

Говард сделал вид, что не получал моего приказа оставить эту штуку на месте. Он потащил бы ее с собой в любом случае. Согласно его утверждениям это – самый необычный артефакт, обнаруженный за всю историю человеческой цивилизации. Но причина, по которой я позволил ему сохранить бесхозную металлическую игрушку *слизней* отнюдь не в том, что я в тайне потакал его прихотям…

«*Звезда*» набрала скорость и превратилась в искорку. До места свидания с «*Экскалибуром*» ей еще предстояло преодолеть около сотни километров. Потом «*Звезду*» заново заправят, освежат запас воздух, и отправят вниз, чтобы забрать нас из этого чужеродного места. И на Ганимеде снова не останется ни одного живого существа.

Во внезапно наступившей тишине Говард поправил старомодные очки, украшавшие его морщинистое лицо, посмотрел на экран своего наручного компьютера, а потом взмахом предложил мне посмотреть назад, через плечо, на низкие скалы.

– У нас всего три часа. Не хочешь прогуляться?

Взлетно-посадочная полоса и защитный бордюр были построены из камня и льда, на равнине на краю кратера. Плоское дно кратера было скрыто таким слоем вулканической пыли, что в ней мог утонуть космический корабль. Тут погибли сотни солдат. У них даже не было шанса выстрелить.

«Зона Альфа» за зубчатыми холмами – то место, где первоначально предполагалось приземлиться, ныне превратилось в братскую могилу. Земля освещенная единогласно Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций и политая кровью девяти тысяч сирот. А ведь они были моей настоящей семьей.

Я кивнул Говарду.

– Я прогуляюсь. Вернусь через час.

Говард знал, что я не покину это место не сказав «до свидания».

Я быстро помчался к краю кратера, двигаясь типичным для Ганимеда галопом: один мой широкий шаг в низкой гравитации равнялся двадцати шагам в нормальной.

– До следующего «автобуса» времени полным полно! – крикнул Говард мне в след.

Я добрался до края кратера за пятнадцать минуть и остановился, пытаясь восстановить дыхание. Предупреждение Говарда было устным сообщением, но даже новички носящие синий скафандр Космических сил не станут игнорировать приказ генерала.

Я взглянул на индикатор кислородного генератора. Созданная *слизнями*, искусственная атмосфера Ганимеда содержала четыре процента кислорода, но нормой для Земли было двадцать процентов. Атмосфера на Ганимеде напоминала ту, что существовала на вершине Эвереста.

Хоть пыль уже поднялась со дна кратера под порывами полуденного ветра, за его противоположным краем солнце сверкало, словно далекий факел. Оно висело над зазубренным горизонтом, едва ли не касаясь его. Я посмотрел на таинственную структуру возвышавшуюся посреди плоской равнины. Пик поднимался метров на семьсот и издали больше всего напоминал средневековый замок. Он стал нашей крепостью, когда *слизни* и десантники схватились в неравном бою.

Восстановив дыхания, я начал спускаться по каменистому полю к равнине кратера.

Ганимед ужасное место для ведения боевых действий. Тут в десантном модуле сгорела женщина, которую я любил.

Я соскользнул последнюю сотню метров по почти вертикальному склону, и остановился, вновь восстанавливая дыхание. У меня под ногами начиналась мощеная дорога в девять километров длинной и два с половиной метра шириной. Странное сооружение из недоделанных стекловолоконных панелей пролегло по морю вулканического пепла.

Пылевая равнина плоская и безликая. Если бы над каждым из тех мест, где умер и утонул в пыли воин *слизней*, ставили по надгробному камню, то Арлингтонское кладбище[12] по сравнению с Зоной Приземления Альфа напоминала бы пустынный сельский погост. *Слизни* накатывали на нас волнами, по пятьдесят тысяч за раз. Люди тонули в пыли, как в зыбучих песках, а воины *слизни* скользили по пыли, словно плоские камешки по воде. Но мы их убивали. И тогда они, словно камни, шли на дно.

Мы убивали их, сколько могли. Вначале массово, самонаводящимся оружием. Потом с помощью автоматических винтовок. И в финале штыками. А потом снова с помощью винтовок, превратив их в дубины. Мы молотили ими, пока не разбили оружие в щепки.

Еще много погибших осталось возле центрального пика, где во время приземления потерпело аварию несколько десантных модулей.

Я, тяжело дыша, проверил свой наладонник, потом повернулся и просканировал вечно сумеречное небо. Солнце давало лишь одну тридцатую того света, что на Земле. До появления «*Звезды*» оставалось еще несколько часов.

Постояв несколько мгновений, и припомнив, все, что случилось на этой равнине, я решил прогуляться по мосту.

Вновь остановился я на полпути к горе, у импровизированного надгробья, изображающего торс десантника в боевом скафандре. Он был установлен на краю дороги, в пяти километрах от центрального пика. Боевой скафандр по кругу поддерживали винтовки. Вес всей конструкции был не более чем, если бы та была сделана из картона. Пустой скафандр покачивался под порывами налетающего ветра. Пластинка была сделана из дюрали патронных ящиков и приклепана к передней пластине скафандра. На ней значилось:

---

[12] Национальный мемориал на холме с видом на реку Потомак на территории Арлингтонского. Построен приемным сыном Дж. Вашингтона, Дж. В. Кертисом, отцом Мэри-Энн Кертис. В особняке на территории кладбища 20 апреля 1861 Ли написал заявление об отставке из Армии США.

В семистах метрах под этим монументом покоятся останки четырех сотен мужчин и женщин боевого Инженерного батальона Экспедиционных сил Ганимеда, и команда Штурмового корабля номер два, Космических сил Организации Объединенных наций. Они погибли в бою третьего апреля 2040 года.

Так как ближайший живой солдат находился в пятнадцати километрах от меня, я позволил себе перевести дыхание и вытереть слезы. Все эти люди умерли. А я жив. Почему?

Если уж говорить честно, погибли они не в бою. Их погубила человеческая ошибка. «Искусственный интеллект не может ошибиться во время приземления», – так думали они. Плоская лавовая равнина, которую астрономы разглядели с расстояния в несколько миллионов километров, оказалась не идеальной посадочной площадкой, как считали Лучшие умы Земли, а морем вулканической пыли, глубоким, как земной океан. Наши ребята, а многие из них были старше меня, умерли, не подозревая о своей судьбе, точно так же как те кто последовал за ними на посадочных модулях.

Кто-то сказал, что война – машина по производству сирот, а солдаты сражаются для того, чтобы их семьи остались в живых. Эта битва тоже произвела своего рода отбора, ведь в экспедиционный корпус отбирали только тех, чьи семьи уничтожили *слизни*, то есть круглых сирот.

А сама битва осиротила меня во второй раз.

Оставшийся путь до основания нашей базы я проделал осторожно, и вовсе не из-за того, что боялся упасть в зыбучую пыль.

Я боялся встретиться с теми, кому суждено остаться на Ганимеде. Мой невысказанный страх мог показаться достойным анекдота.

Через десять минут я уже пробирался вдоль борта каркаса Боевого корабля номер один КСООН. Его поверхностное покрытие превратилось в уголь во время торможения в атмосфере. На судно можно было пробраться, хотя оно погрузилось в пыль как минимум на полметра.

Я никогда не был знаком ни с одним вторым пилотом. Да, судя по всему, мне больше и не суждено никогда познакомиться с кем-то из пилотов.

Присцилла Урсула Харт – мы звали ее Пух – была ростом не более метра шестидесяти, даже когда задрав нос расхаживала из стороны в сторону. Тот пилот, который неофициально считался вторым в мире, мог ходить, задрав голову.

Так что среди тех камней, где мы ее нашли, мы вырубили могилку, маленькую, как для ребенка, если сравнивать с братской могилой для остальных. До того, как мы прибыли сюда, мы все были как дети. Иногда кажется, мы те, кому никогда не суждено стать счастливыми.

Сорвав рукавицу, я прикоснулся пальцами к камням, таким холодным, что это прикосновение обожгло мне руку. Но я не отдернул ее. А когда я убрал руку, то понял, что навсегда покинул ее, навсегда покинул всех этих людей. Я вновь остался один. Худшая вещь для сироты – оказаться в одиночестве.

– Пух, почему? Почему ты умерла? Почему не я?

Я залез за пазуху, дотянулся до медных нашивок – знаков различия, отодрал их и положил звезды на ее могилу. Это Пух была генералом. Не я. Никогда нигде специально я не оставлял своих вещей, а теперь оставил. Так что будем считать она не одна. Я не мог оставить ей кольцо, потому что у меня не было кольца. Да она отвергла бы мое кольцо, ведь наша жизнь и гроша ломанного не стоит. Пух превратилась бы во вдову, стоило мне выкинуть что-нибудь благородное, глупое и умереть.

Склонившись над ее могилой, я вволю нарыдался.

Когда я утер сопли, на краем кратера виднелся лишь самый краешек солнца. Я попытался натянуть рукавицу на занемевшие пальцы. Интересно, сколько времени я тут на самом деле простоял?

Только потом мне пришло в голову, что пилот Космического флота должен думать о том, как защитить свой модуль и команду, а не о том, что оставит на Ганимеде солдата, находящегося в самовольной отлучке, не важно какой у него ранг. Может, я и в самом деле ошибался, считая, что последний челнок будет меня ждать? В полдень, минуты значили очень мало. А теперь… Закаты на Ганимеде из-за тонкой атмосферы необычно красивы. К тому же на закате поднимался ураганный ветер.

Что до пилота, то он должен знать: на закате с каждой минутой усиливается порывистый ветер. Во время выполнения своей миссии, первое, о чем он должен заботиться, так это о своем модуле, точно так же как я – о своих солдатах. Если бы я в тот миг поставил себя на место пилота, то со всех ног побежал бы к месту посадки.

Дерьмо!

Я помчался назад по дороге. Порывистый ветер бил мне в лицо. Несколько раз споткнувшись, я едва не подвернул лодыжку. Пришлось идти медленнее, хотя я со всех ног спешил к взлетно-посадочной полосе.

В далеком небе вспыхнул огонек Последний модуль – мой билет на землю.

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Я прибавил ходу.

Когда я перебрался через край кратера, «*Звезда*» уже исчезла среди скал. Я остановился мгновение, глядя на то место, где она только что была, а потом сконцентрировался на подъеме. Впереди возвышались валуны, с которых так легко соскользнуть.

Обогнув последний валун, размером с дом, я увидел, что на взлетной площадке уже никого нет, только вдали темным силуэтом маячила «*Звезда*». Уже выдвинулись опоры, и модуль готовился подняться вертикально, чтобы улететь.

Я втягивал воздух, но он казался мне вакуумом. Острые иглы впились в легкие. Но я побежал. Пот ручьями бежал у меня по спине. Ветер, порывы которого достигали тридцати метров в секунду, швырял пыль в визор моего шлема.

Бросив мимолетный взгляд на «*Звезду*», я заметил Говарда. Он высовывался из люка, словно очкастый, охотничий трофей, приколоченный к стене. Майор махал мне, призывая поторопиться.

Рванув изо всех сил, я прыгнул в люк. Зашипела пневматика, люк захлопнулся и через двадцать секунд оказался намертво запечатан.

У меня в ушах зазвенело, когда пилот «*Звезды*» обратилась к Говарду. Ее голос заскрежетал по Командной сети. Слышали его только Говард, второй пилот и я.

– Если ожидание твоего генерала, Гиббл, будет стоить нам модуля, твоя задница попадет прямиком в ад, и все черти тебе позавидуют.

Я улыбнулся. Пилоты!

Тяжело дыша, с сердцем едва не выпрыгнувшем из груди я прополз мимо Говарда, и только тут понял: последний панический прыжок, окончательно разбил мое сердце. До этого у меня и мысли не было о том, что мне придется оставить их всех там, на Ганимеде. С удивлением я задумался о том, смог бы я ради них – мертвых – задержаться на планете. Боль одиночества сдавила мне грудь, хотя я слышал, как вокруг меня дышали солдаты.

Гидравлика отключилась. Модуль замер, задрав нос к небу. Я повалился на спинку кресла. Фюзеляж корабля содрогнулся, когда помпы стали подкачивать горючим.

Техник Космических сил, сидевший через проход от меня, мельком взглянул, как я пристегнулся, а потом кивнул мне, как кивает один солдат другому. Он находился на поверхности Ганемеда всего минут десять. Все его товарищи остались на орбите, а члены его семьи ждали его на Земле. А меня там никто не ждал.

Между нами было всего десять сантиметров. Но между нашими жизнями лежала пропасть глубиной в световые годы.

Я почувствовал такую же дрожь, как на поле боя. Разозленный пилот назвала меня «генералом», но сейчас в утробе корабля я был всего лишь солдатом. Скоро я сброшу временно присвоенное звание, которое позволяло мне командовать людьми, много старше и опытней меня. Скачусь назад к лейтенанту, что, в общем-то, соответствует моим знаниям и квалификации.

– Зажигание! – взвыл интерком.

Я закрыл глаза, и позволил сердитому пилоту везти меня домой. Все неприятности остались позади.

Так я тогда думал.

Глава пятая.

Грузовому отсеку «*Звезды*» не хватало иллюминаторов, но на модуле имелись кабельные каналы связи, выведенные на плоские плазменные экраны, соединенные с носовыми подстройками корабля. Более того, через камеру пилота мы видели, как модуль проскользнул вдоль величественного вращающегося «*Экскалибура*» – туши длиной более полутора километров, и состыковался. Словно снежинка села на круп полярного медведя.

«*Эскалибур*» напоминал «*Надежду*», если не считать усиленных защитных систем. Но они оказались излишни, так как *слизни* были повержены.

Откинувшись на спинку, я сидел в кресле, пока последний из моих людей в полной безопасности не пролез через люк, и только потом отстегнул ремни. Встав, я повернулся лицом к люку. Я словно плавал в волнах странной гравитации, образованной вращением корабля. Никогда не думал, что когда-нибудь вновь окажусь в ее власти.

– Генерал? Могу я к вам обратиться? – даже через интерком был хорошо различим гнусавый техасский выговор пилота.

Повернувшись, я посмотрел в сторону летной палубы. На «*Звезде*» летная палуба соединялась с грузовым отсеком через трубу, шириной в косую сажень, проложенную через заросли электроники. Чтобы пройти через эту трубу требовалась восхитительная гибкость тела, поэтому женщины пилоты обычно спускались на летную палубу и поднимались оттуда, когда пехоты в трюме уже не было.

Все, что обычно говорили мне пилоты, было совершенно сознательно устроенное представление для пассажиров… Я вновь вспомнил Пух. Улыбнувшись, я сглотнул невольно набежавшую слезу.

Эмоции не добавляют хороших манер. Я отвернулся, и тут же у меня за спиной раздался скрип синлонового полетного костюма пилота. Эхом разнесся он по грузовому отсеку. Наконец ботинки пилота со стуком опустились на панели палубы.

– Немного вежливости не сделало бы солдата менее тупее.

Хамство у пилотов развито даже сильнее, чем у выходцев из Техаса. Повернувшись, я посмотрел прямо в глаза пилоту модуля. Женщина, которая стояла перед люком на летную палубу, расставив ноги на ширину плеч, была миниатюрной как японка, или как цветок вишни. Глаза ее показались мне необычными: коричневые миндалины в фарфоре. Миндалины или нет, а взгляд этих глаз прожигал меня насквозь. Ее волосы напоминали шелковый эбонит. Она приглаживала их пальцами, словно только что сняла шлем.

Мой взгляд скользнул за отворот ее летного костюма. На самом деле я никогда не чувствовал, что по званию чуть выше портье, но то, что на мне погоня офицера требовало определенной вежливости. Я вновь встретился с ней взглядом.

– Майор, разве в Космических силах не учат разнице между «звездами» и «дубовыми листьями»?

Каждый из тех, кто служит, должен был потратить много времени на обычную строевую подготовку, а там, в первую очередь, учили именно этому.

– Генерал, мы до сих пор на борту *моего корабля*. Герой вы ***Битвы на Ганимеде*** или нет, вы подвергли угрозе *мой корабль* и команду. И меня не волнует, сколько говна у вас за плечами.

На это я ничего ответить не смог. Я почувствовал себя так, словно военный судья зачитал мне обвинение в измене на предварительном слушанье дела. Что и говорить капитан судна на борту своего корабля главный авторитет.

На ее летном костюме, прямо над сердцем была полоска – бейдж. Я прочитал:

Озэйва.

Но, если честно, на бейдж я обратил внимание во вторую очередь.

Сам наряд пилота, насколько я помнил, не изменился. Полетный костюм пилота Организации Объеденных наций был нежно-голубым, свободным комбинезоном. Майор Озэйва носила простроченном оранжево-желтом костюм. Еще более странно то, что сшит он был из силона. К тому же он настолько плотно облегал фигуру, что не возникало вопроса о том, как майор Озэйла выглядит без него. А ответить на этот вопрос, будь он задан, можно было бы одним словом: ***прекрасно***.

За последние семь месяцев я не видел женщин. А Пигалица… Она для меня не столько женщина, сколько солдат. Таких, как она, в моем отряде было несколько. Но офицер не может думать о своих солдатах, как о женщинах. Некоторые говорят, что это профессиональная отчужденность вроде той, которой обладают гинекологи. Но майор Озэйва не принадлежала к *моим солдатам*.

– Все еще не нагляделись, генерал?

Я отвел взгляд.

– Гм…

Я моргнул и почувствовал, что краснею. Совершенно недопустимо, чтобы я пялился на незнакомого пилота.

Она скрестила руки на груди.

– Я ждала вас двадцать минут, задержала отлет. Только ради вашей славы. Можете выбросить на помойку и себя, и вашу медаль за отвагу! Вы подвергли опасности мой корабль.

Озейва была права.

– Вы не понимаете…

Пилот взмахнула рукой, словно воробей крылом.

– Я понимаю этот порывистый ветер! А вы понимаете, что это такое? Вы едва не погубили пятьдесят человек!

Я заморгал, чтобы не дать слезе соскользнуть по щеке, а потом сглотнул.

– Я убил девять тысяч, – прошептал я.

Ее рот открылся, да так и остался приоткрытым. Словно розовая пещера.

Мы стояли и глядели друг на друга, пока сержант Орд не просунул голову в выходной люк.

– Генерал Уондер? Адмирал Брэйс приветствует вас на борту.

Озейва отвела взгляд, сверх меры задрала носик и записала дату конца миссии на экране.

А тем временем Орд провел меня через люк в светлый, теплый, чем-то напоминающий утробу трюм, заставленный корабельными механизмами. Впервые за семь месяцев я оказался в подобном помещении.

Очутившись в шлюзовом коридоре, Брамби отдал команды «разойдись», «раздеться» и прошептал:

– Поток!

Это слово прозвучало так, словно в нем было всего четыре буквы. При одной шестой гравитации «поток» больше напоминал ванну с губкой, но ощущение теплой, мыльной воды каскадом обрушившейся на меня, заставило невольно затрепетать. Потом мои люди переоделись, получили по чизбургеру, а я последовал за сержантом Ордом на мостик «*Эскалибура*».

«*Эскалибур*» очень напоминал «*Надежду*» на которой я прожил почти два года. Возможно, я и сам бы сумел пробраться к центральному мостику. Но прогулка с Ордом меня позабавила. Мы добрались до лестничного колодца, который новички называют лестницей.

Пара чопорных, служащих Космических сил стояла на коленях, блокируя проход. Казалось, они полировали металл, стараясь его избавить от воображаемой грязи последние сто миллионов лет.

– Дыру протрете! – завопил Орд, словно физически ударив по щеткам, чтобы привлечь их внимание. Обе женщины выглядели привлекательно. Когда мы прошли мимо, их спины расслабились.

Неожиданно мне показалось, что песок Ганимеда въелся в каждую складку моей формы и каждую морщинку моего тела. Семь месяцев в одном и том же скафандре не самый лучший способ произвести впечатление на даму. И генералы не составляют исключения из правил.

Если Озэйву посчитать неким индикатором, то женщины станут для меня большой проблемой. Словно как у шестнадцатилетнего разгоряченного самца, нервы мои напоминали соединительный провод между глазными яблоками и моим пахом.

Вздохнув я последовал за Ордом. Наши шаги отдавались эхом в одном коридоре, потом в другом.

А через десять минут мы, задыхаясь, поднялись на мостик «*Экскалибуром*».

Мостик по размерам напоминал школьный класс с низким потолком, погруженный в тускло-красный полумрак.. Перед двадцатью плоскими едва заметно мерцающими экранами сидели двадцать офицеров. Каждый шептал данные и инструкции через крошечные, как вишенки, микрофоны.

Мастерская голография – переливчатая миниатюра «*Экскалибура*» – плавала в помещении среди пилотов, словно гигантский полупрозрачный кальмар. Герметично запечатанный корабельный груз и секции загруженные топливом были выделены. Импульсные двигатели, гудящие на корме, напоминали щупальца. Все в мастерской голографии – многоцветные полоски и пятна – мигало, медленно двигалось. То оно начинало блекнуть, а потом начинало сверкать, в то время как различные знаки появлялись и таяли в воздухе. Все лифты, которые двигались, каждый люк, который открывался и закрывался, были отмечены вспыхивающими искорками. Опытный командир мог читать это изображение, словно живую, трехмерную книгу.

Голоизображение доминировало в комнате, если не считать фигуры адмирала. Он застыл, внимательно разглядывая изображение, чуть наклонив голову, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

Адмирал Атвотер Н. Брэйс выбрал для этого дня форму класса А – нежно-голубую, больше напоминающую спецодежду, чем костюм. Ленточка с именем была пришита прямо над сердцем. Его подбородок выпирал вперед, такой же крупный и гладкий, как нос дирижабля. Кожа Брэйса сверкала алым, отражая мерцание голографии.

Орд и я с вниманием ожидали. Шлемы зажаты под левой подмышкой. Мы жмурились и прислушивались к шепоту операторов консолей – своеобразной музыке, всегда звучащей на мостике большого корабля.

Я успел досчитать до трех сотен, прежде чем Брэйс нарушил молчание. Его корабль, его правила.

Брэйс поднял голову и повернулся лицом к нам. Орд и я отдали честь, адмирал тоже приложил руку к козырьку. Офицеры Космических сил, до этого служившие в военно-воздушных силах любой страны привыкли моментально вскидывать руки. Но Брэйс был выходцем из военно-морских сил.

– Сэр, генерал-майор Уондер командующий Экспедиционными силами Организации Объединенных наций на Ганимеде просит разрешения, подняться на борт.

– Разрешение дано, генерал.

Брэйс забыл добавить Орду и мне «с легкостью». Но он не забыл произнести «генерал».

Я подумал, что консоль оператора звука установлена специально возле нас, чтобы нам было лучше слышано.

Брэйс расплылся в улыбке, показав полированные зубы.

– Мы сейчас проводим дезинфекцию ваших отрядов, Уондер.

Филистимлянине сами не мылись.

– Соблюдать гигиену в полевых условиях очень трудно. Вода внизу существует только в виде льда, слежавшегося еще в докембрийский период, – принимать ванны на Ганимеде было холодно и неэффективно. Только частое повторение подобных процедур сохраняло солдат от болезней.

Маленькие синие глазки Брэйса скосились на мой боевой скафандр. Инфракрасный абсорбент алого слоя местами стерся, обнажив *неопласт*, а на нагрудной пластине было несколько вмятин от ударов *слизней*. Странный видок.

– Заметно, – он повернулся к Орду. – Сержант, покажите действующему генералу Уондеру его апартаменты.

– Конечно, конечно, сэр! – Орд отдал честь.

То как Орд сказал «конечно, конечно», вместо «есть, сэр», напомнило мне неуклюжее исполнение польки. Брэйс вел эту колымагу, и даже Орд отлично понимал это.

Орд отвел меня в мои апартаменты. Они ничуть не напоминали те, что я занимал на борту «*Надежды*». Тогда я квартировался на носу, а не на офицерской территории.

– Он всегда такая задница, а сержант?

– Кто, сэр?

– Кто?.. Я больше не рядовой, сержант. Я не подчиняюсь вам. Может, я и потеряю эти звезды сегодня после ужина, но в данный момент я командую семью сотнями солдат, которые прошли через ад. Следующие два года они будут расслабляться и чувствовать сожаление. А с ними обращаются, как с шестилетними, на корабле, где никто пороха не нюхал. Но пока они мои шестилетние пасынки. Поэтому я должен знать, что за порядки установил Брэйс на этом корабле. Мне нужна искренность от военно-служащего сержантского состава, от другого боевого пехотинца.

Орд не останавливаясь взглянул на меня. Моргнул, словно перед ним был споткнувшийся младенец.

– Адмирал Брэйс входил в высшую двадцатку Аннаполиса. Это делает его главной шишкой в Национальной Авиации. Он заключил временный договор с НАСА[13], а потом вернулся в военно-морские силы. Командовал «*Тегераном*». Он знает космос и умеет управлять большими кораблями, – Орд остановился перед каютой и положил руку на ручку двери. – Ваши апартаменты, сэр.

– А вы, знаете, как уйти от ответа.

Уголки рта Орда скривились, но всего на миллиметр. Потом он кивнул.

– Он – впертая задница, сэр.

Я зашел в свою каюту. Тут был персональный душ. Впервые с тех пор как я жил за городом мальчишкой, с тех самых пор, когда у меня еще были родители, у меня появилось собственное жилье. А все, что произошло до войны, для меня случилось миллион лет назад. Жестом я пригласил сержанта зайти.

– Присядете, сержант? – для него я – старший офицер. Он – подчиненным. Не нужно задавать ему вопросы. Но Орд это Орд, а я – это я.

Орд кивнул, сел, так, словно ему в спину упирался вражеский штык.

---

[13] Национальное агентство по аэронавтике и исследованию космического пространства – государственная организация США, занимающаяся исследованием космоса.

В одну из стен моей каюты был встроен *термо*. Глоток жизни! Я достал две кофейные пластмаски, поставил их на *термостол*, потом протянул одну с черным и дымящимся кофе Орду. Нет военного, который откажется от кофе. Правда, не все предпочитают такой черный.

Орд расслабился, но только чуть-чуть.

– Сержант, я никогда раньше не встречался с Брэйсом. Какие у него проблемы? Почему он смотрит на меня волком?

Орд поставил свой шлем на свое бронированное колено.

– Сэр, чисто технически, вы находитесь в ранге адмирала.

Я сделал маленький глоток кофе, обжег язык и кивнул.

– И не смотря на это, я – ребенок, который и подойти не может к сортиру в Аннаполисе?

Орд глотнул кофе, словно молочный коктейль.

– Вне обсуждения, сэр. Вы вели отряды в бой. Этим могут похвастаться немногие. Как военный человек, адмирал относится к этому с почтением. Но как человек, который тренировался всю жизнь для того, чтобы делать то, что вы делали в свои двадцать пять, он завидует. И это можно понять.

– Детский сад какой-то.

– Да, сэр. Все дело в эмоциях. Генерал должен сознавать это. Существует также фундаментальная персональная разница между офицерами пехоты, которым сопутствует удача, и офицерами с хорошей технической подготовкой.

– Хотите сказать, что в армии нет задниц?

– Сэр, существует множество эффективных стилей руководства. Я вам скажу так: стиль адмирала совместим с вашей миссией и окружающей обстановкой, но порой он неснеосен.

Я расстегнул нагрудник и, сняв, отложил его в сторону, потом сжал протертые рукава и стянул скафандр.

– Пехота действует в более неформальной обстановке, – кивнул Орд в сторону моей одежды.

– В грязи и хаосе?

Орд вновь кивнул.

– Беззаботность по отношению к форме, похоже, может сильно поднять авторитет командира пехоты. Среди военно-морских офицеров и летного состава привыкли к более жесткому отношению к уставу.

– Они спят под простынями. А если потеряют инструкции, ядерное оружие не сработает. Они следуют догме.

Орд покачал головой и пожал плечами.

Я показал на его боевой скафандр без единого пятнышка.

– Разве не вы на базе учили нас сливаться с грязью.

– Это не относится к данному разговору, сэр. Для них поддержание внешнего вида – основа армейской дисциплины. Я же говорил об адаптации на местности, когда невозможно поддерживать должный внешний вид.

Я кивнул.

– Ладно. Благодарю вас, сержант. Но только за службу. С остальным мне еще предстоит разобраться.

Орд встал и поставил свой пустой стаканчик на выдвижной столик.

– Сэр, еще раз примите благодарность от меня и от всех нас. Мы благодарим вас и остатки вашей армии. Вы отлично справились со своим делом, сэр, – он отдал мне честь, и я повернулся так, чтобы он видел моего лица. Так было нужно. Не положено ему видеть слез генерала…

Я помылся, насколько это возможно при одной шестой «g». Тер кожу, пока она не стала красно-лиловой. Потом я лег на койку и впервые, насколько я помнил, теплые простыни коснулись моего тела. Я закрыл глаза и позволил вибрации двигателей «*Эскалибура*» укачать меня.

Я уснул.
Так началось мое шестьсот дневное путешествие домой.

Глава шестая.

Месяц спустя после того как «*Эскалибур*» покинул орбиту Юпитера, Удей Мецгер научился переворачиваться при притяжении в одну шестую «g».

А я вновь загнал Орда в угол и многое узнал…

Искусственная заря расцвела тусклыми красками. Мои шаги эхом отдавались в коридорах тренировочной палубы, когда я медленно шел по кругу при шести «g». После месяцев, проведенных в боевом скафандре, я чувствовал себя свободно, как ястреб в восходящих потоках воздуха. Красная надпись «*Внимание стрельба*» мерцала над люком отсека Стрельбища. Я остановился, выпустил пары. Было воскресенье… Кто, кроме дежурных, станет стрелять из пистолета в пять ноль-ноль, только проснувшись?

Надпись «*Внимание…*» погасла. Я подтянул футболку, вытер пот со лба и заглянул в люк.

Единственный посетитель стрельбища стоял в кабинке на первом огненном рубеже спиной ко мне. В тусклом свете помещения, затянутого пороховым дымом, силуэт стрелка казался красным. Я предположил, что Орд пользовался берушами, не потому что стрелок без беруш мог инстинктивно вздрагивать при каждом пистолетном выстреле, а потом что существовало правило одевать беруши. Орд скорее сломает себе руку, чем нарушит правила.

Я коснулся накрахмаленного рукава его служебного комбинезона, и он повернул голову. Его пистолет с опустошенным барабаном и съехавшим назад бойком, до сих пор смотрел в сторону «врага».

– Рано поднялись в воскресенье, сержант.

Он кивнул на мою мокрую от пота футболку, сдвинул беруши.

– Как и вы, генерал.

Посмотрев на пистолет, я покачал головой.

– Мой личный, сэр.

Пистолет был древним – полуавтоматический, М-1903 сорок пятого калибра. Синяя сталь, с обычной рукояткой из орехового дерева.

– Когда-то такие пушки были на вооружении.

Такими пистолетами не пользовались уже 150 лет. Для вооруженных сил.45 был настоящим кошмаром. Он лягался словно мул, но бил точно. Некоторые спецы использовали его до сих пор.

Орд положил руку на кнопку лифта на стене кабины, и его группа мишеней подъехала к нам, остановившись в метре от стрелка. В центре каждого силуэта *слизня* красовалась дыра, а от нее в разные стороны разбегались трещины, торчали щепки.

Из кобуры на плече сержант вынул свежую обойму для барабана с патронами и с хлопком плюхнул мне на ладонь. Вместо тупых, медных пуль, как я ожидал, каждую гильзу венчал цилиндр с продольной нарезкой, словно медный колос. Я удивился.

– Хорошая штука, – Орд показал на закругленный кончик одной из пуль. – Девяносто пять медных игл в термическонестойкой матрице. Матрица испаряется еще в стволе. С десяти ярдов иглы покрывают площадь в двадцать пять сантиметров, – он ткнул указательным пальцем в дыру в центре мишени. – Эффективно для поражения *псевдоголовоногих* на близком расстоянии.

Я пожал плечами.

– Вряд ли это понадобится, – я провел пальцем по щепкам вдоль краям дыры. – Но для *слизней* это и в самом деле хорошая штука. Хотя ни одного человека иголками не остановить.

– Точно, сэр. Зато в рукопашной пехотинцы в боевых скафандрах могут не беспокоиться о том, что подстрелят друг друга. Но ведь броня *слизней* на вроде картона. С другой стороны,

сэр кинетическая энергия каждой из этих игл при стволе 45 калибра придает им приличную скорость. Маленький объект, несущийся с огромной скоростью.

Я подбросил обойму на ладони.

– А мы можем снарядить такими штуками М-20[14]?

Орд кивнул, потом щелкнул боковым рычажком и начал разбирать пистолет.

– Когда грузилась «*Надежда*» матрицы еще не были готовы. А теперь в нашей дивизии у пехотинцев каждая четвертая обойма с иглами. Когда слепили эти пули, даже такой консерватор, как я отказался от другого оружия.

Я вздохнул. Профессиональный солдат вроде Орда и в самом деле любил оружие. Но меня мало интересовала конструкция пуль, в прочем, как и иглы. Почему все они – Джад Марч, Орд, генерал Кобб, считали, что я рожден быть солдатом?

– Чем теперь займемся, сержант?

Орд начал чистить свою «игрушку» специальной щеткой.

– Несколько физических упражнений, а потом неспешно позавтракать. Прекрасное голо «Сержант Йорка» начнется в девять десять на палубе для отдыха. Сегодня как раз новый выпуск. А потом ежедневная бумажная рутина…

Я кивнул в сторону люка.

– Я имею в виду всех нас. Война-то закончилась.

Он убрал свой.45 в неопластовую коробку.

– Тоже, что всегда делают солдаты, сэр. То, что нужно нашей стране.

– Вот это я и собирался узнать. Сейчас ведь никакой войны нет. Кому мы будем нужны? Многие из моего отряда ощущают то же самое. Половина из них раздалась на пять кило, вне зависимости от количества физических упражнений в расписании. Другая половина похудела на столько же.

Орд кивнул.

– Те, кто потолстел, воздают себе должное за то, что остались в живых. Потерявшие в весе подавлены, винят себя за то, что выжили, когда их товарищи погибли. Некоторые наверняка находятся в депрессии с длинным названием – «посттравматическое нарушение жизнедеятельности, вызванное стрессом», – он посмотрел на мою футболку и брови его поползли вверх. – А генерал должен находиться и с теми и с другими.

Чуть приподняв рукав на плече, я показал бицепс.

– Я поправился на пару килограммов.

На самом деле я много времени лежал, не в силах уснуть, размышляя, почему я выжил, и занимался самобичеванием, изнуряя себя физическими упражнениями, словно казня себя. Именно поэтому мои мускулы и налились – я потолстел на пару килограммов. Но, как командир, я не собирался дискутировать об этом. Я нахмурился. Орд словно читал мои мысли.

– И как мне лучше поступить с теми, кто считает себя виновным?

– Займите их чем-нибудь. Благо нам предстоит долгое путешествие. Иначе большинство из них полностью потеряет ориентацию до того как столкнется с реальностью.

– А те, на кого это не подействует?

Орд прищурился. Потом он внимательно посмотрел на мою цветущую физиономию.

– Если генерал ищет компанию, то мы можем тренироваться вместе.

Орг с легкостью читал мысли курсантов, но в общении со мной высказывался вслух. В этот раз, как обычно, я думал слишком долго, чтобы заранее понять, куда он клонит.

[14] М-20 имеет.38.

Глава седьмая.

Единственный из нашего отряда, кого я не хотел напрягать был Говард Гиббл. Когда шпион в нем умер, он принялся резать и размазывать замороженных *слизней*, словно это техасский чили…

Прошло десять месяцев с тех пор как мы покинули орбиту Юпитера. Уди Мецгер пытался вставать, хотя не больно-то у него получалось.

Говард и я заглянули в отсек, размером с учебный класс. Хотя я-то большую часть времени стоял, прислонившись к крепкой как сталь, но неметаллической стене. В соответствии с планом, это был отсек отведенный под травмоцентр, для пострадавших во время боя, но экипаж «*Эскалибура*» пока могл обойтись без этого помещения. Так что теперь мы вглядывались через стекла больших резиновых масок, отфильтровывающих вонь формальдегида, точно так же как любые микробы *слизней*. Вокруг нас в ярком свете холодной операционной кружили облака тумана, порожденного нашим дыханием. В каждом углу отсека на голых стальных плитах лежало по мертвому *слизню*. Наш шпион в лабораторном халате и хирургической маске склонился над одной из тварей.

Подведя меня ближе, Говард заговорил с женщиной, которая, ловко орудуя скальпелем, препарировала *слизня*. Тварь была вскрыта от носа до хвоста, словно потрошеная форель.

– Как успехи с утра? – спросил Говард.

Женщина вытерла руки полотенцем, потом протянула ему свой наладонник. Я решил, что она носит контактные линзы, потому что ее зрачки были неоново-оранжевыми. К тому же их цвет соответствовал ее губной помаде. Не зря солдаты называли шпионами всех, кто работал в разведывательной службе Говарда. Он и его работа привлекали в армию неординарных людей. Армия же позволяла ему управлять ими единственно возможным образом.

– Слишком молодая особь, – заявила «оранжевая» женщина. – Если можно использовать такую терминологию по отношению к новым субчастям *псевдоголовоногиого* организма, который сам по-себе возможно старше динозавров. Впервые нам попалась особь прямо из инкубатора. Следы азотной кислоты на эпидермисе, – она показала на белое пятно на коже *слизня*. Вскрытое тело *слизня* напоминало ствол пурпурного цветка. Рана, протянувшаяся по зеленоватому желе, вскрыла внутренности *слизня*.

– А содержимое кишечника? – поинтересовался Говард.

– Аммоний. Нитраты.

– Ваша оценка метаболизма? – он протянул наладонник назад женщине.

– Очень быстрый. Нужна целая дивизия поваров, чтобы прокормить армию *слизней*.

Расспросив тех, кто работал за другими столами, мы узнали просто очаровательные факты о наших небесных соседях.

Мы с Говардом одновременно сняли лабораторные халаты из *синтошерсти*. Чтобы согреться, я стал растирать пальцы.

– Что-то интересненькое?

– Особенно молодой, если так можно его назвать. Очаровательно.

– Конечно. Аммоний. Мое любопытство не знает границ. Объясни в чем дело?

– *Псевдоголовоногий* питал эту новую особь удобрениями.

– Так выходит *слизни* – растения?

– *Слизни*, как вы их называете, чуждые нам существа. Для классификации жизненных форм на Земле мы используем линнеевскую[15] систему. Но тут она бесполезна. Пытаться применить к инопланетянам нашу систему видов и типов – чепуха.

---

[15] Линнеевское общество (научное общество; занимается вопросами систематизации растительного и животного мира,

– А как там поживает «футбольный мяч» *слизней*?

Оборудование *слизней* могло научить нас чему-то. Мы знали, что они могут, например, «тушить» наши ядерные бомбы. Именно поэтому нам пришлось послать на Ганимед пехоту, вместо того, чтобы раскрошить в пыль эту каменную глыбу, сбросив несколько миллиардов мегатонн. Говард говорил, что *слизни* «глушат нейтроны».

С началом нового столетия демократия, расширившись, почти уничтожила терроризм. Наконец сработала теория, гласившая, что если все граждане смогут позволить себе иметь микроавтобусы и голографические домашние кинотеатры от Sony, то они будут слишком заняты, чтобы взрывать друг друга. Но «один маньяк с *неправильным* чемоданом» до сих пор мог терроризировать всех рационально мыслящих людей. Если «футбольный мяч» был механизмом для глушения ядерных бомб, то мы могли бы поставить такую машинку в каждом городе, и, нейтрализовав ядерные бомбы, обесценить их до уровня кирпичей…

От моего вопроса губы Говарда скривились, словно он съел лимон.

– Изучение приборов – юрисдикция Космических сил. Брэйс припрятал нашу находку. Мы можем изучать *псевдоголовоногого*, но артефакт их.

Мое лицо тоже стало кислым.

– Говард, а может так выйти, что не все *слизни* были уничтожены?

– *Псевдоголовоногие,* присутствовавшие на Ганимеде, уничтожены. Это – точно. Семь месяцев патрулирования, орбитальная разведка и данные транспорта тактического наблюдения подвели точный итог.

– Ты отлично понимаешь, что я имею в виду. Я думаю о том, что если *псевдоголовоногие* – единый организм, то вряд ли во всей галактике лишь одна бродячая масса склизких зеленых червей. Та, которую мы уничтожили… Вот дерьмо!

Говард пожал плечами.

– Наука привыкла оперировать фактами. Сто пятьдесят лет назад геофизики утверждали, что континенты не могут двигаться, потому что не существует достаточно большого источника энергии, чтобы передвинуть их. Любой школьник, который посмотрит на контуры континентов на школьном глобусе увидит, что подобное заявление – чепуха… У нас нет данных о том, что существуют другие сообщества *псевдоголовоногих.* Мысль о том, что твари уничтожены утешает. Чувствуешь себя как на небесах. Воспоминания об этой войне станут кошмаром еще для десяти поколений. Опасение того, что подобное может повториться может парализовать реконструкцию мира, – желтыми пальцами Говард развернул никотиновую жвачку. Он никак не мог отвыкнуть от курения. Но на борту корабля курить было запрещено.

Он чуть пожевал, потом вздохнул.

– С другой стороны у нас на борту нет инструментов, которые позволили бы изучить «мяч». Останься он у нас, мы бы воспользовались варварскими методами. Пусть этим занимается Брэйс.

На боту «*Эскалибура*» все делалось согласно распоряжениям Брэйса.

основано в 1788 в Лондоне) названо в честь шведского естествоиспытателя Карла Линнея.

Глава восьмая.

Была только одна вещь, которую Атвотер Нимиц Брэйс ценил выше, чем собственные распоряжения, это – традиция. Он даже возродил *Капитанские Завтраки* – великодушная социальная уступка. На эти *Завтраки* Брэйс приглашал всех, кто попадался под руку. Даже недавно завербованные на военную службу рядовые были его гостями каждое воскресное утро, появляясь в офицерской столовой у буфета под белой скатертью. Поваров, готовивших для офицеров, Брэйс отбирал лично, и они имели право первой руки на складе. По словам солдат, попавших на этот праздник жизни, военно-морские офицеры Брэйса имели лучший стол между Юпитером и орбитой Марса.

Однако в этом случае солдаты получали излишек свободного времени и могли поспать в воскресенье подольше. Это и была та единственная причина, по которой мои подчиненные толпились, записываясь у листа для тех, кто хотел попасть на завтрак к капитану.

С древних времен, не с тех, когда только появились суда на подводных крыльях, а еще до того как стали использовать дизельное топливо, моряки получали недельный паек рома.

Современная армия не использовала расслабляющие лекарства, инъекции, курения и таблетки. Но совсем иное – спиртное, и в принятии подобных решений капитан корабля – полубог. Брэйс имел «капитанские запасы» и распределял их, по собственному желанию.

За *Капитанским Завтраком* каждый поднимал две стопки рома, ни больше, ни меньше – каждая на ширину большого пальца – налитые из капитанских запасов. Пили за Джона Паула Джонса, за «козла отпущения», или за какую-нибудь военно-морскую штучку, пришедшую этим утром Брэйсу в голову.

Судя по всему, это был единственный бар на четыре сотни биллионов кубических километров вакуума.

В это утро я воспользовался преимуществом за столом, зарезервированном для офицеров спасенной дивизии. Правда в том, что нас было семь сотен, и все мы были багажом. Десять тысяч свежих солдат Третьей дивизии тоже были багажом, но солдаты Третьей толпились тут все утро.

Кроме того, тут был одинокий штатский – единственный штаткий на борту. Менее метра ростом он пока говорил совершенно бессвязно.

Хоть Уди Мецгер и был штатским, но в это воскресенье на него надели синий перешитый интендантом костюм Космических сил. Маленькая форма Уди не выглядела насмешкой. Ближайший детский сад находился в ста миллионах километров от нас. Нам приходилось импровизировать с тем, что есть на борту.

За годы путешествия моряки, занимающиеся снабжением, были не единственными приемными родителями Уди. Повара давали ему галеты, когда у него стали чесаться зубы и варили ему картофельное пюре, пока он ходил беззубым. Помощники механиков сделали маленькую медаль, укрепив ее на форме. Пигалица остановила их после того как Уди едва не проглотил их вариант Креста Виктории.

Я допустил это. Пусть солдаты сходят с ума, придумывая подарки ребенку. Может, все мы – сироты – ищем детство, которое потеряли.

За столом моей дивизии сидело четверо: Пигалица, Говард Уди на высоком стуле с импровизированными перилами, и я.

Я отнес поднос Пигалицы, пока она усаживала Уди на стул. Он пускал пузыри и оглядывался, не сознавая, что это его первый день рождения.

В центре нашего стола, повара поставили вытянутое пирожное внешне напоминающее «*Экскалибур*», облитый шоколадом. Уди попытался схватиться за него, скорее из любопытства,

чем от голода. Тем временем его мать завязала ему на шее слюнявчик и стала разминать его гарнир вилкой.

Перед буфетом в ряд стояла группа музыкантов в коротких жакетах – голо, но так хорошо записанное, что вы не могли заметить ни искорки. Они играли мелодию, которую Говард идентифицировал как творение Вивальди.

Говард игнорировал и их, и свой французский тост. Наклонившись вперед, он внимательно изучал Уди, в то время мой приемный сын сделал грязное пятно, размазав вареную горошину по щеке.

Пигалица отведя взгляд от своего омлета, посмотрела на Говарда, нахмурилась, потом шутя ударила его по руке.

– Прекрати глазеть на него так, словно он инопланетянин!

Говард потер руки и надул губы.

– Он и есть инопланетянин!

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Говард наморщил лоб и показал на Уди, который выудил со своей тарелки еще одну горошину и раздавил ее на скатерти.

– И куда это его приведет.

Пигалица взмахнула вилкой, словно двуручным мечом.

– Черт возьми, Говард! Он совершенно нормальный годовалый ребенок! Корабельный хирург осматривает его каждую неделю. У него нет ни усиков, ни щупалец.

Говард вздохнул.

– Если ты намекаешь, что он – урод то, он может превратиться в него.

Пигалица выпятила губу.

Я заметил, что губа Муншара-Мецгер вытянулась. Пигалица была готова взорваться. Самое время изменить тему разговора.

Оглядевшись я обратился к грозной мамаше:

– Посмотрите! Здесь Озейва!

Майор Озейва – пилот, которая забрала меня с Ганимеда, подошла к буфету.

У Пигалицы брови поползли вверх. Одновременно она одной рукой наколола сосиску на вилку, а другой вытерла нос Уди.

– Тебе она нравиться?

– Как? Нет. Я имею в виду, я ее совсем не знаю.

– Хочешь познакомиться с ней?

Мне казалось, что я вечно буду пребывать в печали по смерти Пух. Однако Пигалица зациклилась на том, чтобы сосватать меня. На корабле находилось около тысячи женщин. Но Озейва, как мне казалось, была одной из последних, кого Пигалица еще не пыталась со мной познакомить.

Мецгер умер всего через несколько дней после Пух. Но у Пигалицы боль была много хуже. Однако и меня одолевали мрачные мысли. Но Пигалица, в отличие от меня потеряла не только мужа, а еще отца ее сына. А я всего лишь потерял свою любовь.

– Мы работаем вместе, – заметила Пигалица. – Фантастическое тело! И такая изящная.

– Черт побери, Пигалица! Меня это не интересует.

– Тогда почему ты так покраснел? – Пигалица встала и махнула рукой. – Майор! Мими!

Озейва улыбнулась и кивнула. В руках она держала поднос.

Я потянулся к Пигалице и прошептал:

– Она ненавидит меня!

Пигалица покачала головой.

– Ох? Я-то думала, вы незнакомы.

Озейва отложила поднос, потом наклонилась к Уди и улыбнулась так, что мог бы расплавиться *неопласт*.

– Как наш большой мальчик?

Уди захихикал и смял слюнявчик у себя на груди.

Дети притягивают больше, чем генералы. И майор Озейва повелась на это. Мне казалось, что она хорошенькая, когда я встретил ее – голова-шлем и все. В своем форменном комбинезоне она выглядела настоящей голозвездой.

– Майор Озейва, вы встречались с генералом Уондером? – спросила Пигалица.

Озейва посмотрела на меня своими большими карими глазами и ее улыбка погасла.

– Генерал?

Говард протянул ей руку.

– Я хотел встретиться с вами. Пилот, проводивший испытания ОЗВВ. Удивительно!

Озейва усмехнулась. Я отошел на третий план по привлекательности среди мужчин, собравшихся за столом, после парня с четырьмя зубами, который сосал свои пальцы и чокнутым, форма которого напоминала не застеленную кровать. Не удивительно, что Пигалица беспокоился за меня.

Я попытался напомнить о себе:

– Что такое ОЗВВ? – встрял я. Мой вопрос ничуть не облегчил задачу Пигалицы.

Говард кивнул Озейве.

– «*Отважная Звезда» Военный вариант*. Прежде чем «*Эскалибур*» оставил Землю, майор тестировала «*Отважную Звезду*» проверяя ракетные двигатели малой тяги. Она готовила аппарат для маневрирования в космосе. Первый космический боевой модуль.

Я закрыл глаза. Это было то самое назначение, за которое билась бы Присцилла Харт.

Озейве пожала плечами.

– Словно ад, летать со всем этим дерьмом, но я сделала все как надо, – она внимательно посмотрела на Говарда. – А вы изучаете *слизней*?

Говард лишь повторил ее жест – пожал плечами.

Каждый за этим столом, казалось, погрузился в собственную пост военную жизнь. Только это было не для меня. Я-то солдат пехоты и все. А они: пилот-испытатель, криптозоолог, мать и малыш.

Тогда я попытался свести разговор к светской болтовне:

– Полагаю, вы предпочли бы суше-бар?

Она захомячила за щеку здоровенный кусок тоста.

– Озейвы – техасцы в четвертом поколении. Сырая рыба всегда выглядит привлекательно.

Мы сидели в паре метров от раздачи омлета, в самом конце очереди. Брамби прошел мимо нас и остановился напротив повара раздачи.

Три дятла стояли в очереди позади него. Один парень был худым, с носом как у крысы. Где-то я его видел. Я ткнул пальцем в его сторону.

– А это кто?

Мини качнула головой, сглотнула бекон, потом фыркнула:

– Шестерка Брэйса.

Мини и Брэйс вместе пришли из военно-морских сил. Оба прошли высшую школу пилотажа, и оба относились ко мне точно так, как вегетарианец относиться к отбитой телятине. И больше между ними общего ничего не было.

Я фыркнул. Шестерка?

Брамби протянул свою тарелку повару. Было хорошо видно, как она подрагивает в руке сержанта.

– Пожалуйста бекон, мэм.

Стюард вернула Брамби улыбку и сыпанула весь оставшийся бекон поверх его яичницы. Это означало, что все те, кто стоят за ним, должны будут довольствоваться восстановленными сардельками или соевым заменителем.

Крысюк Брэйса фыркнул, потом демонстративно прошептал:

– Все пидоры жрут мертвую плоть.

Брамби замер, замешкался, в то время как стюард положила ему на тарелку еще и изрядный кусок омлета. Брамби был капралом, когда его отделение опрокинуло *слизней* во время первой массированной наземной атаки с которой собственно и началась ***Битва за Ганимед***. Брамби по натуре своей был лидером, а бесстрашие принесло ему крест «За выдающиеся заслуги»[16]. Во время этой атаки приятель Брамби был обезглавлен одним из *слизней*.

Когда первая атака была отбита выяснилось, что в Брамби что-то разладилось. Он пришел в медпункт. Глаза его пылали. Его безголовый приятель в огнеупорном костюме был перекинут через плечо капрала, а голова мертвеца лежала в сумке для боеприпасов. Брамби хотел, чтобы медики пришили голову назад.

С тех пор Брамби напоминал натянутую струну. То, что шептал Крысюк не стоило говорить никому из выживших. А сказать такое Брамби все равно, что вытащить чеку из гранаты.

А потом Крысюк еще и щелкнул пальцем по краю тарелки сержанта. Масло и соус брызнули на мундир Брамби. Левое веко Брамби задергалось от тика.

Вскочив со своего места, я попытался схватить Брамби за локоть. Я то видел, что он уже сжал кулак. Но мои пальцы поймали лишь воздух.

Крысюк величественно поплыл назад через толпу офицеров, когда кулак Брамби врезался ему в челюсть. Вы бы удивились, увидев как далеко может послать человека, точно нацеленный прямой *правой в челюсть*. Крошечные белые кусочки полетели по той же траектории, что их тело Крысюка. Зубы.

Крысюк пролетел, наверное, метров пять. В итоге он и его резцы врезались в стол капитана.

Болтливая шестерка Брэйса обрушилась на возвышение, где был установлен стол капитана, и скользнув лопатками по столу, перелетела через него. Корабельные офицеры повскали на ноги, но двигались они слишком медленно. Кленовый сироп хлынул во все стороны из серебряных соусниц. Компот из сухофруктов, словно напалм, омыл безукоризненно чистые кители. Куски сосисок просвистели над моим ухом точно шрапнель.

Пигалица стащила Уди с его высокого стула и спрятала его под наш стол.

На мгновение все замерли, кроме какао, льющегося из повалившегося китайского кофейника.

Брамби стоял рядом со мной. Всю переднюю часть его мундира и левую руку покрывала масса омлета. Его правая рука по-прежнему была сжата в кулак. Глаза прикрыты, словно старые семафорные фонари.

– Ё… твою мать! – тихо повторял он снова и снова.

Два испачканных Стюарта подхватили под ручки шестерку Брэйса. Глаза его были закрыты, кровь текла из одной ноздри, а окровавленные губы распухли. Без сомнения корабельный дантист получил нового пациента. Более того, в том, что произошло, не было ничего такого, чего не случается тысячи раз в барах сразу за контрольно-пропускными пунктами военных баз от Форта Беннига[17] до Лунной базы.

– Сержант… – Брэйс наконец поднялся со своего места. Ему пришлось податься вперед всем телом, чтобы прочитать имя на бэйдже Брамби. – Брамби! Что это..?

---

[16] Военная награда США в Сухопутных войсках и ВВС; этот крест и Военно-морской крест – вторая по значению после «Почетной медали Конгресса» награда в США. Учреждена Конгрессом в 1918.

[17] Находится в штате Джорджия; военная база, место расположения пехотной школы Сухопутных войск, основан в 1918 и назван в честь бригадного генерала Г.Беннинга. Иногда ее называют – «Дом пехоты».

Кто-то отключил голо. Оркестр замер. Но музыка все еще звучала – шелестел Вивальди.

Брэйс повернулся, ткнул пальцем в сторону оркестра:

– Кто-нибудь может выключить эту проклятую музыку!

Музыка продолжала играть.

Брэйс схватил сахарницу со стола и швырнул ее в полукруглую контрольную панель. Сахарница разлетелась на куски, силуэты музыкантов стали зелеными, а потом исчезли. В каюте воцарилась тишина. Из-за низкого потолка в этом помещении не было никакого эха. Слышно было только прерывистое дыхание. Брамби, Брэйс и остальные повернулись в мою сторону.

Брэйс напрягся. Он тяжело дышал, лицо его стало красным. Одна щека у него была измазана молоком с кукурузными хлопьями. Может он уже представлял, как ему вручают «Пурпурное сердце»[18]. Просто жертва серийного убийцы.

Я закашлялся в кулак, чтобы не расхохотаться.

Тогда Брэйс обрушил свой гнев на меня.

– Уондер, вы думаете в этом есть что-то смешное? Раньше кто-нибудь слышал о дисциплине на корме за девяностой?

Страна пехоты начиналась за переборкой девяносто один.

Я внимательно посмотрел на Брамби.

– Я разберусь со своим сержантом, и оставлю моряка – капитану.

Брэйс посмотрел на Крысюка. Тому помогли оторваться от края стола. Он прижимал салфетку с нижней части лица, с ненавистью уставившись на Брамби. Дышал он через рот, и когда он стал поправлять салфетку, я увидел черную дыру на том месте, где раньше были его передние зубы. Крысюк был трусом с поганым языком, но трусом Брэйса. А Брэйс всегда будет уверен, что его человек прав.

Брэйс еще раз вздохнул, потом нахмурился. Он провел пальцами по щеке, сковыривая кукурузные хлопья.

Кто-то фыркнул.

– Уондер, – Брэйс ткнул дрожащим пальцем в сторону Брамби, – через тридцать минут доставьте его в мою комнату для конференций, – он повернулся на каблуках, а потом бросил через плечо. – И вы тоже. Только сначала очистите мундир.

* * *

Через десять минут, ожидая возвращения Брамби из кормовой части корабля в чистой форме, мы с Говардом заглянули ко мне в каюту.

Я потер рукой лицо.

– Я не собираюсь отдавать им Брамби. Ты это знаешь.

– Думаю, он считает точно так же, Джейсон.

– Тварь Брэйс нанесла первый удар. Но за это Брамси простоит в наряде сто миллионов километров.

Говард пожал плечами и развернул новую никотиновую жвачку.

– Если это нужно.

---

[18] Воинская медаль; вручается за одно боевое ранение. Ей предшествовала старейшая воинская награда – знак за воинские заслуги одноименного названия, учрежденный в 1782 генералом Дж. Вашингтоном (им были награждены всего 3 человека). Современная медаль учреждена 22 февраля 1932 в честь 200-летия со дня рождения Вашингтона. Изготовляется из бронзы в виде обрамленного серебряным шнуром кусочка пурпурной ткани в форме сердца. Среди награжденных Дж. Кеннеди, сенатор Р. Доул и др.

– Нужно. Я ведь командир Брамби.

Свернув пластик жвачки, словно маленькое одеяло, Говард отправил его в рот.

– Капитан корабля во время полета обладает абсолютной властью.

– Чепуха, Говард!

Но это была вовсе не чепуха. На одном из подготовительных курсов я изучал Военный Кодекс в модификации Организации Объединенных наций. И по нему выходило, что Брэйс мог взять под свою юрисдикцию любого на этом корабле, стоило ему только объявить об этом.

– Так или иначе, что ему грозит? Отправят Брамби «пройтись по доске»[19]?

Может и так. Власть капитана так велика, что он может вершить правосудие, если чувствует, что существует угроза кораблю. Номинально, мы до сих пор в состоянии повышенной боевой готовности, так что происшествие можно толковать так: провинившийся все сделал специально, уклоняясь от исполнения воинского долга. А то, что он разбил свои кулаки о чей-нибудь нос, можно даже толковать как дезертирство – опасное преступление… Я тяжело вздохнул и покачал головой.

Глухой стук плоти о металл сообщил, что кто-то хочет войти в мою каюту.

– Входи, Брамби.

Но это оказался не Брамби.

[19] идти по краю бортовой обшивки корабля с завязанными глазами (так пираты сбрасывали в море пленников).

Глава девятая.

Гость, протиснувшийся через люк, оказался Ордом.

Он не был на капитанском завтраке. И, насколько я знал, он не уделял внимание божественному сервису. К тому же он носил форму класса А, что означало, что этим утром он находится не при исполнении служебных обязанностей. Но, конечно, его не поймать в *левисах* и фланели. Орг никогда не причислял себя к штатским. Рабочая одежда солдата должны выглядеть достаточно чопорно, чтобы сама по себе вызывать желание маршировать.

Я кивнул в его сторону, приглашая:

– Зайдете, сержант?

– Я слышал о Брамби, сэр. Не уделит ли мне генерал внимание относительно предстоящей процедуры?

Я прищурился.

– Сержант, а вы на чьей стороне, на стороне адмирала Брэйса или на стороне пехоты?

– Стороне, сэр? – глаза Орда выпучились от удивления.

* * *

Точно через двадцать пять минут после ультиматума Брэйса, я разрешил Брамби ударить по люку комнаты для конференций адмирала Брэйса.

Брэйс заставил нас потушиться в собственном соку шесть минут пятьдесят секунд.

– Войдите!

Брэйс восседал в конце конферецстола. Руки сложены. Челюсть выпечена дальше, чем обычно. Справа сидел дрянной лейтенантик военно-морских сил, носящий на плечах медь судебного адвоката. А слева от Брэйса застыл Крысюк. Распластавшись на стуле, он выглядел омерзительно.

Круглый, серебристый узколучевик зажужжал, нацеленный на сверкающий синтестол, и появилась объемная голография.

Наша команда состояла из веснущатого обвиняемого, его начальника, то есть меня, и Говарда, как свидетеля, который лучше остальных видел случившееся.

Моментом позже рассудительный Орд, сделав вид, что занимает нейтральную позицию, проскользнул в люк, закрыв его у себя за спиной. Широким шагом прошествовал он в центр комнаты и встал, словно на параде, равноудаленный от обоих лагерей.

Брэйс прочистил горло и пронзил Брамби взглядом.

– Сержант Брамби, как командующий офицер этого судна, я рассмотрел произошедший случай. Будучи лично свидетелем происшедшего инцидента, я решил, что нет нужды проводить предварительное дознание. В самое ближайшее время будет собран генеральный военно-полевой суд, чтобы вынести обвинение.

Брэйс посмотрел на начальника военно-юридического управления, который читал что-то с экрана. Брэйс оставил в стороне конструктивное дезертирство, а решил обвинить сержанта в банальном мордобое, тем самым поставив крест на его военной карьере. Тогда Брамби до конца года сидеть на гаупвахте.

– Что скажет обвиняемый? – обратился Брэйс к Брамби.

Сержант лишь сглотнул и чуть склонил голову влево.

– Сэр, мне очень жаль, что я ударил его. Но если я признаю себя виновным и скажу, что находился под воздействием алкоголя, будет правильно?

Брэйс скривил губу.

– Какая разница? Если вы не способны отвечать прямо, пусть за вас ответит кто-то другой!

Тишина.

Брэйс вздохнул.

– В интересах справедливости, список присяжных заседателей для судебного разбирательства будет выбран не из подразделения обвиняемого, а из подразделения военнослужащего получившего оскорбление.

Другими словами, присяжные будут выбраны из единственного другого подразделения, достижимого на расстоянии в несколько миллионов километров – из Третьей дивизии Организации Объединенных Наций, тех кто преследовал нас на борту «*Эскалибура*». Они были опытными солдатами, вроде Орда, собранными по всему миру, а не военными сиротами вроде нас. Они уважали нас за то, что мы выжили. Солдаты Третьего тоже в какой-то мере негодовали, потому что политиканы послали ветеранов Третьей за мной и остатками дивизии, собранной из парней, у которых еще молоко на губах не обсохло.

Начальник военно-юридического управления смазано прошептал что-то, зачитывая с экрана, потом развернул экран так, чтобы Брэйс смог прочесть, что там высвечивалось.

– Предварительно дело. Обвиняемый унтерофицер[20]. По существу он может сделать выбор перед тем как будет утвержден список присяжных заседателей: будут ли они ровней вам по званию – из унтер-офицеров или из обличенных полномочиями офицеров.

Брамби повернулся ко мне, ладони влажные, подбородок вздернут.

В свое время я изучил военную систему правосудия с практической стороны, причем весьма неприятным способом. Ни майоры, ни полковники никогда не стремяться с особым рвением выполнять свой долг. Дерьмо, вроде искового заявления для присяжных, всегда падает на плечи младших офицеров. А младшие офицеры – ребята неопытные, мягкие и полные симпатий к провинившемуся. Унтер-офицеры – сержанты – приверженцы уставов. Каждый из них знает, что в исковом заявлении. Сержанты методично устремляются к уставам в поисках нужных слов для обвинения.

Я почти уже с облегчением сказал «Офицеры», когда уголком глаза заметил движение. Орд мне подмигнул. Я отлично знал его; знал, что просто так он не станет мигать, тем более при начальстве. Я внимательно посмотрел на него. Он мигнул снова. Змея, а не человек.

Орд хотел, чтобы Брамби судила группа присяжных из седых сержантов, а не вспыльчивых молодых младших лейтенантов. Разумное решение.

Я заколебался. Орг был на нашей стороне. А может нет?

Брэйс начал барабанить пальцами по синтетической поверхности стола. Жертва заворочалась в кресле. Пластыри на лице делали его похожим скорее на глубоководную рыбу, чем на крысу. Но больше всего в этот миг он походил на маленького кальмара.

– Вы согласны? – обратился ко мне Брэйс.

Неожиданно мне все стало ясно.

– Обвиняемый выбирает присяжных из унтер-офицеров.

У Брамби челюсть отвисла.

Начальник военно-юридического управления закрыл нижнюю часть лица ладонью, чтобы не видно было его улыбки.

Брэйсм от удивления поднял брови, потом кивнул. Он встал и выключил экраны.

– Очень хорошо. Дело будет представлено в суд. Предварительное слушание закончено.

---

[20] Категория военнослужащих сержантского состава и унтер-офицеров (имеет четыре разряда).

Через минуту я и Брамби уже шли в сторону Страны пехоты.

– Присяжные из унтеров, сэр? – спросил он. Брови сдвинуты, веки ходят ходуном, словно дворники на переднем стекле во время ливня. – Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Я повернулся, чтобы спросить у Орда правильно ли я понял его подмигивания, когда выбирал судьбу Брамби.

Но Орд исчез.

Глава десятая.

Судебный процесс над Брамби начался через неделю, в переоборудованной операционной, которая использовалась для вскрытия *слизней* погибших в бою. Здесь воняло формальдегидом. Я удивлялся, что Брэйс выбрал именно это место. Или он хотел сразу показать, что Брамби – мертвый кусок мяса. Нет, у Брэйса не хватило бы чувства юмора.

Космическая полиция – ВП[21] в версии Космических сил – несла охрану люка, как я подозревал, на тот случай, если осужденный попробует убежать в вакуум. А может для того, чтобы подавить хулиганскую вспышку солдат, которых представлял Брамби и я.

Восемь присяжных сидели по правую руку от нас. Каждый в форме сержанта класса А или ее аналоге. Однако тут не было никого в форме вооруженных сил Объединенных наций. Все носили три шеврона наверху и три внизу. Через службу записи файлов я узнал, что все они не только старшие ВСС[22], но и тупые, как кирпичи. Свидетельский стул слева от судьи по административным правонарушениям[23] занимал полковник из Третьей дивизии, который не был юристом, но который ранее председательствовал в военном суде. Морской начальник военно-юридического управления – прокурор расположился за дюралюминиевым складным столом лицом к председательствующему офицеру. Брамби, его заранее назначенный адвокат и я сели за стол слева.

Защитник Брамби был армейским начальником военно-юридического управления, старше чем я, но в звании капитана. Он не слишком-то радовался тому, что я выбрал присяжных из унтер-офицеров, и тому, что его назначили защитников во время сто процентов провального дела.

Представление улик не оспаривалось, так как все было снято на голокамеру наблюдения. Снова и снова в замедленном режиме и на нормальной скорости слегка просвечивающий Брамби бил в зубы слегка колеблющемуся изображению Крысюка. Единственная проблема была в том, что провокационные комментарии Крысюка тонули в музыке квартета.

Появилась Мими Озейва и подтвердила, то что сказал Крысюк. Она явилась в накрахмаленном и негнущемся голубом комбинезоне. На одиннадцать тысяч людей, находившихся на корабле приходилось всего двадцать пилот посадочных модулей, двадцать вторых пилотов, и несколько запасных астронавтов. Поэтому, как думало большинство солдат на борту, пилоты были скорее техниками, нежели воинами.

Начальник военно-юридического управления, постукивая ручкой по верхнему краю своей записной книжки, поинтересовался у нее:

– Майор Озейва, вы утверждаете что сомнительные замечания, направленные в адрес действительного сержанта Брамби, спровоцировали его?

– Да, – кивнула Озейва. Она так ни разу и не встретилась взглядом с Брэйсом. Пигалица говорила, что Озейва и Брэйс были когда-то близки. Это раздражало меня. Я подозреваю, что сама идея о том, что Брэйс может наслаждаться жизнью, претила мне.

Конечно, ни о какой ревности по отношению к Озейве и речи не шло. Она была высокомерна и невозмутима в то же время упакованна по высшему разряду.

– Если бы с подобными словами обратились бы к вам, как вы отреагировали? Вы бы его ударили?

---

[21] Военная полиция

[22] Военнослужащий сержантского состава

[23] Юрист, проводящий слушания по делам об административных правонарушениях в регуляторном ведомстве и выносящий решение по делу, подлежащее утверждению главой ведомства. При отсутствии апелляции решение считается окончательным. Пользуется определенной независимостью в рамках ведомства: не может быть уволен самим ведомством. Его статус определен Законом об административной процедуре 1946.

По моему, совершенно не юридическому мнению, не имело значения, даст ли миниатюрная женщина-техник по зубам кальмару Брэйса или нет. Работа Озейвы требовала, чтобы она хорошенько владела собственными эмоциями, чтобы ее ледяное спокойствие ей не изменяло. Правда, я должен был признать, что работа Брамби требовала того же самого. По крайней мере, не стоило ему бить морды во время завтрака.

– Возражайте! – прошептал я, наклонившись к защитнику Брамби. – Она ведь может сказать, что не ударила бы его!

Но адвокат только прошептал что-то неразборчивое.

Возможно, Озейва за свою жизнь никогда не била кулаком ничего, кроме кнопки катапультирования. Однако прежде чем ответить она задумалась, заерзала на стуле.

– Нет.

Начальник военно-юридического управления кивнул и уголки его рта расплылись в широкой усмешке.

Озейва улыбнулась ему так, словно он только что пригласил ее на выпускной бал.

– Я бы разбила тарелку о его голову.

Я взглянул на старшину присяжных заседателей – женщину из Траспортного корпуса. Мне показалось, что она улыбается.

Мне тоже пришлось прикрыть рот рукой, чтобы никто не заметил моей улыбки. Я видел, как у сидевшего в другом конце комнаты Брэйса побелели костяшки пальцев, когда он ухватился на спинку стоящего перед ним стула.

С другой стороны наша защита ничего не могла поделать. На голо было отлично видно, как зубы Крысюка улетели в чайную чашку Брэйса.

Защита ограничилась тем, что я зачитал рекомендации, которые написал Брамби, а так же сообщил о том, что он награжден «Пурпурным сердцем». Один из присяжных даже уронил слезу на отворот своего сержантского мундира морской артиллерии.

Сам процесс реституции был для военных в новинку. Слова о нарушенной психике сами по себе вызывали определенные чувства. Согласно обвинению, преступник все делал неправильно. С другой стороны мы выслушали дантиста Космических сил, который заверил, что Крысюк после «печального инцидента» будет иметь более здоровые, симпатичные зубы. Однако обвинение заявило, что жертва получила травму посредством насилия. Крысюк был «сильно травмирован психически».

Наклонившись, я потянул защитника Брамби за рукав:

– А спросите, не был ли травмирован Брамси, когда ему пол руки отстрелило? Спросите, если у вас на руках умирает друг, который еще слишком молод, чтобы голосовать за президента, это не «сильная психическая травма»?

Капитан отклонился назад и, прикрыв рот рукой, прошептал:

– Сэр, все, что касается службы сержанта Брамби, вы уже сказали. Жертва не причиняла сержанту Брамби постбоевой травмы.

– Черт вас побери! Карьера Брамби потерпит крах, если его осудят. Как вы думаете, насколько велика будет травма, если боевой солдат вынужден будет стать гражданским?

Председательствующий офицер наградил нас уничтожающим взглядом.

Капитан отказался от моего совета.

Он отдыхал! Вот ведь задница! Мое сердце колотилось от негодования, и я дышал словно жеребец после шести кругов.

Когда председательствующий офицер обратился к присяжным, все восемь встали как один и отправились совещаться, действуя точно по уставу. Брэйс, который сидел за спиной прокурора, сложив руки на груди, равнодушно следил за происходящим. Впрочем, как и сам прокурор.

Председательствующий офицер, казалось, хранил нейтралитет.

Капитан – начальник военно-юридического управления, защитник Брамби, перетасовывал бумаги, стараясь сделать вид, словно не имеет никакого отношения к этому делу, которое еще до того как оно началось, можно было считать проигранным.

– Похоже, это займет не мало времени, – шепнул я Брамби. – Давай-ка пока выпьем кофейку.

– Сэр, а как вы считаете, я виновен? – по-прежнему сидя неподвижно спросил Брамби.

Не время было говорить правду. Я попытался акцентировать его внимание на позитивных сторонах дела.

– Мы сможем подать апелляцию.

Брамби нахмурился, а левое веко его вновь задергалось.

– Нет, сэр. Присяжные даже не обжаловали вердикт.

Дерьмо! Я не сумел себя сдержать, вздрогнув всем телом. Мне ведь полагалось поддерживать Брамби. Но, говоря об апелляции, я продемонстрировал Брамби то, что сам утратил надежду. Отказ от надежды – роскошь, которую не могут позволить себе офицеры.

– Сэр, а почему вы выбрали присяжных из сержантского состава? – колебался Брамби. – Я не хочу критиковать вас, сэр. Я просто удивлен.

Я знал почему. Мне показалось, что Орд подмигивает мне. Я думал, он подает мне какой-то сигнал. Я думал Орд хочет сказать мне: выбери присяжных из сержантов, потому что они с одной стороны не могут мыслить, нарушая правила, а с другой стороны могут счесть происшествие ссорой членов различных служб во время отдыха. Я-то не сомневался в Орде. Он никогда не ошибался. Но я сомневался в том, правильно ли я прочитал его мысли.

Я уже открыл было рот, чтобы попытаться объяснить все это Брамби.

Тут через люк, который удаляющиеся присяжные оставили приоткрытым, высунулся их председатель и поманил пальцем офицера, председательствующего в суде. Мое сердце сжалось.

Присяжный, сложив ладони трубочкой, прошептал что-то на ухо офицеру. Тот покачал головой.

Возможно, они всего лишь хотели обсудить какой-то параграф закона. А может присяжные захотели кофе с пончиками?

Брамби внимательно посмотрел на них, а потом вновь взглянул на меня.

– Сэр, это плохо, если они так скоро вернуться? – прошептал он.

Совещание относительно судьбы Брамби закончилось. Обвиняемый отвернулся. Губы его были крепко сжаты.

Дерьмо!

Я ласково коснулся его руки.

– Вероятнее всего, они действуют по уставу. Не может быть, чтобы они так быстро приняли решение.

Председательствующий офицер выпрямился и через весь отсек обратился к Космическому полицейскому:

– Уведомите обвинение, что присяжные вынесли приговор.

У меня сердце ушло в пятки. Присяжных ведь не было всего пятнадцать минут. Восемь сержантов не могли решить судьбу солдата, его жизнь, за пятнадцать минут. Конечно, если только они не решили казнить его на электрическом стуле.

Значит, я неправильно понял Орда. Я сделал глупость, выбрав присяжных из сержантов. И за мою глупость должен был платить Брамби.

Это были самые долгие десять минут в моей жизни. Брэйс, начальник военно-юридического управления и Крысюк вернулись в отсек.

Все встали, когда присяжные вернулись на свои места.

Брэйс смотрел мимо меня и Брамби, уверенный, что обвиняемый отправиться на гауптвахту, а потом будет постыдно демобилизован. Знал это и я – доморощенный генерал, человек, который волею случая получил это звание. Но я-то был этим крайне обеспокоен.

Председательствующий офицер оглядел собравшихся.

– Госпожа Председатель жури присяжных, вынесли ли присяжные свой вердикт?

Дама из Транспортного корпуса встала.

– Да.

Она старалась не встречаться взглядом ни с кем из нас, сидящих за столом защиты. Очень плохое предзнаменование. Остальные присяжные смотрели прямо перед собой. Безразличные ветераны. Впрочем, они ими и были.

Председательствующий офицер повернул голову к Брамби.

– Обвиняемый встаньте.

Брамби встал по стойке смирно, напротив жури присяжных. Впрочем, как и я. Даже если бы я не допустил столь грубую ошибку с выбором присяжных, Брамби был бы осужден. То, что я принял за тайный знак Орда, было всего лишь желанием подбодрить, сказать, что никто в армии не любит чопорных моряков. Закончиться ли карьера солдата из-за того, что он хорошенько пнул кальмара? Лучше было бы объявить ему благодарность! Все случившееся теперь казалось невероятно глупым.

Я аж заскрипел зубами, когда председательствующий присяжный открыла папку бумаг. Неужели она и в самом деле будет читать?

Она прочистила горло.

– По вопросу возмещения ущерба.

У меня глаза на лоб полезли. Возможно последней вещью, которую я и Брамби ожидали услышать, так это сколько придется Брамби платить из своего жалования каждый месяц, чтобы компенсировать затраты Космических сил на восстановления зубов шестерки Брэйса.

– Мы вменяем обвиняемому, внести часть платы за расходы по восстановлению зубов пострадавшему, – обслуживающий персонал всегда получал свою пару центов, которые автоматически вычитались из нашей платежной ведомости, если кого-то из нас приходилось лечить. – Далее мы находим, что пострадавший должен возместить обвиняемому расходы на чистку формы, на основании того, что на голозаписи хорошо видно, что он намеренно испачкал форму обвиняемого.

Я присутствовал на паре судебных разбирательств в армии. В обоих случаях я был свидетелем обвинения. Присяжные из военно-служащих сержантского состава плохо знают законы, хотя считают наоборот. Подобный приговор больше напоминал пустой звук. Бамби заплатит, ему заплатят. То, на то и получится. Почему они так быстро вынесли приговор? Мое сердце затрепетало. Может быть…

Я внимательно посмотрел на начальника военно-юридического управления. Он хмурился и ерзал на стуле.

Председательствующий жури присяжных сделала паузу, а потом продолжала:

– Относительно всех других обвинений, мы находим обвиняемого не виновным, – и она улыбнулась Брамби.

Я с облегчением вздохнул. Я даже не заметил, как во время чтения приговора задержал дыхание. Брамби на радостях обнял своего адвоката, который выглядел изумленным, и даже не сопротивлялся, хотя ему явно было не удобно в объятиях сержанта.

Потом Брамби усмехаясь обнял меня.

– Сэр! Вы все время знали!

Я пожал плечами. Вести себя так, словно вы и в самом деле всегда все знали – часть образа офицера.

К тому времени, как Брамби разжал свои медвежьи объятия, присяжные уже удалились. В противоположном конце отсека начальник военно-юридического управления просматривал какие-то записи в своем блокноте, одновременно стирая их. Кроме того, как я подозревал, он не хотел общаться с Брэйсом.

Однако начальнику военно-юридического управления не о чем было беспокоиться. Не обращая на него внимания, Брэйс проследовал прямо к люку, потом остановился и показал на меня:

– Только что совершилась огромная несправедливость. Я это запомню.

Он захлопнул за собой люк.

А у меня пальцы дрожали от волнения.

Как только все успокоиться, я обязательно найду Орда и сообщу ему новость. Я был настолько счастлив от того, что правильно понял знак Орда, верно прочитал его мысли, и получил правильный результат. Орд будет в восторге.

Но вышло не так.

Глава одиннадцатая.

Я обнаружил Орда в двадцати палубах к хвосту от отсека, где проходил суд. Он отдыхал от бумажной работы. Взвод Третьей дивизии сидел скрестив ноги на своем участке палубы, и в то время как Орд стоял перед ними, размахивая М-20. На коленях каждого из солдат лежала точно такая же винтовка. Они все были в форме, а, кроме того, в больших, красных перчатках. Эти перчатки были перепачканы машинным маслом, да и в воздухе стоял соответствующий запах.

– Оптимальное установленное время для разборки и сборки приспособленной для стрельбы в вакууме штурмовой винтовки М-20, согласно руководству, одна минута, пятьдесят секунд. Однако это время было установлено для Космических вооруженных сил. Однако может ли какой-нибудь спрут разобрать основное оружие пехотинца быстрее пехотинца?

– Нет, сержант! – как один взвыло пятьдесят голосов, и эхо подхватило их, отражая звук от переборок палубы.

Я улыбнулся. Разборка оружия в перчатках от скафандра? Эти перчатки были достаточно чувствительны, чтобы солдат мог взять монету со стола, но в духе Орда требовать, чтобы его солдаты выполняли полевые стандарты в этих перчатках. Особенно, когда они летели домой, а не готовились вступить в бой.

Орд мельком взглянул на свои наручные часы:

– Начали!

Пятьдесят винтовок заклацали, заглушая любой разговор. Я коснулся плеча Орда, а потом пододвинулся ближе:

– Брамби был оправдан.

Орд кивнул.

– Ты бы видел лицо Брэйса! – усмехнулся я.

Сержант нахмурился и вновь обратил все внимание на своих солдат.

Я покачал головой. Я ожидал от Орда радостного рукопожатия, по крайней мере, улыбки.

Рядовая подняла винтовку с триумфом. Орд шагнул вперед, склонился, проверяя, и кивнул. А секундой позже последний солдат поднял свое оружие к низкому потолку. Орг нажал кнопочку на своих часах. Брови его поползли вверх. Он повернул часы ко мне, так чтобы я видел циферблат.

Взвод уставился на меня.

Я посмотрел на часы и как можно безразличнее произнес:

– Одна, сорок четыре! – улыбнулся я.

Солдаты вздохнули от облегчения и захлопали в ладоши.

Когда радостные крики утихли, Орд объявил:

– Замечательно! Однако, я слышал, один из взводов морской пехоты выполнил то же самое упражнение за минуту тридцать девять секунд. Практикуйтесь, дамы и господа. В десять мы попробуем снова.

Орд отвел меня за угол в пустую каюту сержанта взвода, в то время как ошеломленный взвод начал вновь повторять свои упражнения.

– Мы никогда не выиграли бы дело, если бы вы не посоветовали бы мне набрать присяжных из сержантского состава, – объявил я. – Блестящий ход!

Орд прикрыл люк, потом застыл, скрестив руки на груди. Похоже, моей радости он не разделял.

– Могу я говорить искренне с генералом?

Как?

– Я не хочу, чтобы сержант говорил со мной как-то по иному.

Орд нахмурился.

– Я вовсе не собирался помогать вам, пнуть адмирала Брэйса. Это – ваша цель. Мой ход не был блестящим. Это – очевидно! По крайней мере, для любого офицера, который может думать и имеет несколько лет опыта! Я-то думал, что вы разумный человек. Сэр, я помог вам только потому, что у вас нет соответствующего опыта, и это не ваша вина.

– Но Брэйс…

– Скоро адмирал Брэйс поймет, что к чему. Но он – технократ. С другой стороны он не мог отказать вам в выборе присяжных.

– Но вы ведь ожидали, что я поступлю именно так.

Орд кивнул.

– Я сделал это, сэр. Но я-то ожидал, что вы просто отведете адмирала в сторону и объясните, каков будет результат судебной разборки, а затем, использовав свое преимущество, примете справедливое решение. Я не ожидал, что вы будите поощрять вражду между подразделениями, и станете обострять отношения с адмиралом.

Тогда я ткнул большим пальцем за плечо в сторону взвода, туда, откуда слышался лязг металла.

– Вы только что сами говорили про кальмаров и разжигали ненависть!

Орд какое-то время молчал, а потом кивнул.

– Справедливо, сэр. Но я думал генерал понимает разницу между забавой и необходимостью работать в одной команде, где не должно быть никаких стычек.

Идея сержанта Орда относительно забавы видимо не простиралась на зубы, выбитые во время драки в баре. И, тем не менее, я согласился с его точкой зрения.

– Учтите это на будущее, сэр. Следующий раз вам и адмиралу Брэйсу придется работать вместе, и многие жизни могут оказаться на чаше весов. Конкуренция между службами должна закончиться на уровне соревнований между армией и флотом.

– Я понял, сержант, – печально сказал я. Я был согласен с ним. Но правда в том, что когда мы доберемся до дому, Брэйс исчезнет с моего жизненного пути, как жевательная резинка, смытая водой из унитаза. Орд преподал мне второй урок, правда к делу это не относится.

Возвращение домой, это космическое путешествие было ничем иным, как своего рода тюремным заключением. И тем, кто вдыхал этот кислый воздух, кроме настоящих преступников, конечно, это не нравилось.

«*Экскалибур*» вернулся на то место, где «родился» на орбиту Луны через 240 дней. Казалось, он никуда и не летал. Я ожидал, что перемены происшедшие на Земле за те пять лет, пока я был вдали от дома, не коснуться меня, не после того, через что пришлось мне пройти.

Ох, насколько же я был неправ!

Глава двенадцатая.

Через две недели после возвращения «*Экскалибура*» на лунную орбиту, Говард и я прошли через выходной люк межпланетного корабля на борт «*Звезды*» – дома пилота Мими Озейвы. Мой отряд первым отправился вниз. Потом должна была быть высажена Третья дивизия, а потом небольшая команда «*Эскалибура*». Брэйс собирался последним покинуть судно.

Рыжеволосый служащий Космических сил, используя в условиях низкой гравитации и ограниченного запаса воздуха старомодную кисть со щетиной, нарисовал знак на пластине люка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.